

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Три часа между рейсами

ИН · ВПЕРВЫЕ ·
РУССКОМ

PREMIUM

Френсис Скотт Фицджеральд

Три часа между рейсами (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564874

Три часа между рейсами. Рассказы: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.;

2014

ISBN 978-5-389-07524-5, 978-5-389-04824-9

Аннотация

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века – «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Его романы «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» повлияли на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. Однако Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов, из которых на русский язык переводилась лишь небольшая часть (наиболее классические из них представлены в сборнике «Загадочная история Бенджамина Баттона»). Книга «Три часа между рейсами» – уже четвертая из нескольких запланированных к изданию, после «Новых мелодий печальных оркестров», «Исдержек хорошего воспитания» и «Успешного покорения мира», – призвана исправить это

досадное упущение. Итак, вашему вниманию предлагаются тридцать пять рассказов зрелого Фицджеральда – полное собрание рассказов, опубликованных в последние пять лет его жизни в прославленном журнале «Эсквайр». В том числе цикл юмористических историй о неудачливом сценаристе Пэте Хобби – историй, навеянных богатым опытом общения признанного мастера тонкого психологизма с голливудской фабрикой грез; отдельные из них в разное время переводились на русский, но весь цикл полностью – никогда, и для данного издания он переведен с начала до конца заново. Собственно, все «эсквайровские» рассказы переведены Василием Дорогокуплей, хорошо знакомым нашему читателю по работе над готическим бестселлером Дианы Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» и «букеровским» романом Говарда Джейкобсона «Вопрос Финклера».

Содержание

Рассказы для «Эсквайра»	5
Изувер[2]	5
Ночь при Чанселорсвилле[7]	18
Утро Барбоса[15]	28
Музыка в трех актах[16]	35
I	35
II	37
III	41
Муравьи в Принстоне[25]	46
«Я не был на войне»[35]	56
«Дай мне шанс, тренер»[39]	69
Трудный пациент[42]	88
I	88
II	93
Честь Чувырлы[46]	104
I	104
II	111
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Фрэнсис Скотт Фицджеральд Три часа между рейсами. Рассказы

Рассказы для «Эсквайра»
(1935–1941)¹

Изувер²

Третьего июня 1895 года на проселочной дороге близ городка Стиллуотер, штат Миннесота, миссис Креншоу Энгельс

¹ «Эсквайр» (Esquire) – мужской журнал, основанный в 1932 г. и вскоре достигший ежемесячных тиражей в полтора миллиона экземпляров. Начиная с середины 1930-х гг. Фицджеральд регулярно сотрудничал с «Эсквайром», получая сначала по 200, а затем по 250 долларов за каждый текст независимо от его объема. В тот период он выработал свой «поздний стиль» – более жесткий и плотный, без «лирических излишеств», в целом близкий к прозе Чехова и Мопассана, что отличает рассказы для «Эсквайра» (в том числе цикл о Пэте Хобби) от других произведений Фицджеральда. (Здесь и далее комментарии переводчика – *Василия Дорогокупля.*)

² *Изувер.* – Рассказ опубликован в январе 1935 г.

и ее семилетний сын Марк подверглись внезапному нападению и были умерщвлены самым изуверским способом, приводить описание коего здесь, по счастью, нет необходимости.

Креншоу Энгельс, соответственно муж и отец погибших, держал в Стилутере фотоателье и пользовался репутацией человека просвещенного, пусть и «с радикальным душком» – взять хотя бы его излишне категоричные высказывания по поводу затяжной свары между аграриями и транспортниками³. При всем том никто не мог отрицать, что Креншоу был примерным семьянином, а после трагедии с его родными весь городок лихорадило много недель подряд. Звучали призывы к линчеванию пойманного изувера, раз уж законами Миннесоты не предусмотрена смертная казнь, им несомненно заслуженная; но даже самые горячие головы быстро остывали при одном только взгляде на массивные стены близлежащей тюрьмы⁴.

Мрачная тень накрыла дом Энгельсов, и входящие сюда поневоле исполнялись сожаления, страха или чувства вины, в глубине души надеясь также не остаться без участия ближних, коль доведется им идти дорогой скорби под черными небесами отчаяния. Столь же гнетущая атмосфера воцарилась и в фотоателье, где неизбежные паузы в процессе под-

³ ...затяжной свары между аграриями и транспортниками. – В последней четверти XIX в. фермерские организации Миннесоты постоянно конфликтовали с железнодорожными монополистами из-за тарифов на вывоз сельхозпродукции.

⁴ ...массивные стены близлежащей тюрьмы. – В Стилутере с 1853 по 1914 г. располагалась главная тюрьма штата Миннесота.

готовки и позирования перед объективом вынуждали посетителей подолгу лицезреть угрюмое, преждевременно постаревшее лицо Креншоу Энгельса. Школьники и студенты, молодожены и матери с младенцами – все они не чаяли поскорее выбраться оттуда на свежий воздух. Как следствие, Креншоу терял клиентуру, и постепенно его бизнес зачах. В конце концов он уступил ателье более удачливым коллегам, распродал все оборудование и какое-то время существовал на полученные деньги, а когда те иссякли, продал свой дом (к тому времени дважды заложенный, так что выручить удалось немного), переехал в меблированные комнаты и устроился работать клерком в универсальный магазин.

Соседи и знакомые видели в нем человека, сломленного несчастьями, сдавшегося на волю судьбы и полностью опустошенного. Но относительно последнего пункта они ошибались: опустошен Креншоу был не полностью, ибо одна вещь накрепко засела в его памяти – долгой и цепкой, как у разбросанных по всему свету сынов Израилевых. И хотя сердце его омертвело, сознание оставалось столь же ясным, как и в то летнее утро, когда его жена и сын отправились на несчастную загородную прогулку. На первом судебном заседании он потерял контроль над собой и едва не задушил Изувера его же галстуком, прежде чем их смогли растащить.

На втором заседании Креншоу лишь один раз не сдержался и зарыдал в голос. После этого он поочередно посетил всех членов законодательного собрания штата от данного

округа и вручил каждому из них свой проект закона о введении в Миннесоте смертной казни – причем закону предлагалось дать обратную силу, распространив его действие на пожизненно осужденных преступников. Однако собрание забаллотировало проект; узнав об этом, Креншоу в тот же день обманом проник на территорию тюрьмы и был перехвачен уже в непосредственной близости от камеры Изувера, которого он собирался застрелить.

Суд вынес Креншоу приговор с отсрочкой исполнения; в последующие месяцы он вел себя спокойно и благоразумно, как будто возвращаясь к нормальной жизни. Посему, когда по прошествии года он явился к начальнику тюрьмы уже в новой роли, тот с пониманием отнесся к его словам о «смягчении сердец» и «целебной силе прощения». Далее Креншоу выразил желание помочь Изуверу, направив его на путь истинный посредством книжной мудрости и воззваний ко всему лучшему, что еще сохранилось в закоулках преступной души. И вот, после тщательного обыска, ему позволили провести полчаса в коридоре перед камерой Изувера.

Догадайся начальник об истинных намерениях Креншоу, он, конечно, не разрешил бы этот визит. Ибо в действительности он был далек от всепрощающих мыслей, вместо этого планируя подвергнуть жестоким истязаниям психику Изувера, раз уж не вышло уничтожить его физически.

В первый миг встречи с убийцей у Креншоу разом прилила к голове кровь и зазвенело в ушах. Из-за решетки на

него настороженно взирал пухлый коротышка в роговых очках и с невыразительной внешностью страхового агента, так что даже тюремная роба сидела на нем как опрятный деловой костюм. Вдруг ощутив слабость в коленях, посетитель опустился на стул, поставленный для него напротив камеры.

– Ты окружен чудовищным зловонием! – воскликнул Креншоу. – Оно заполнило и коридор, и всю тюрьму!

– Это верно, – согласился Изувер. – Я тоже его чувствую.

– И ты будешь чувствовать его до конца своих дней, – глухо молвил Креншоу. – Остаток жизни ты будешь ходить туда-сюда по этой вонючей камере, и стены ее будут становиться все темнее год от года. А из нее ты прямиком отправишься в ад и там уже целую вечность будешь заперт в такой крошечной камерке, что не сможешь ни встать во весь рост, ни распрямиться лежа!

– В самом деле? – обеспокоился Изувер.

– Можешь не сомневаться! – сказал Креншоу. – И в этой камерке ты будешь томиться до скончания веков один на один со своими гнусными мыслями. Ты будешь гнить и страдать чесоткой, и ты не сможешь ни на минуту заснуть, изнывая от нестерпимой жажды, а вода все время будет у тебя на виду, но вне твоей досягаемости.

– В самом деле? – повторил Изувер с нарастающим беспокойством. – Помнится, я однажды...

– И ужас беспрестанно будет терзать твою душу! – прервал его Креншоу. – Ты будешь сходить с ума, но на тебя

так и не снизойдет спасительное безумие. И все время ты будешь думать о том, что эти мучения никогда-никогда не закончатся.

– Дело дрянь, – промолвил Изувер, печально тряся головой. – Хуже и не придумаешь.

– Теперь слушай дальше, – продолжил Креншоу. – Я принес тебе кое-что для чтения. И я устроил так, что впредь ты не получишь никаких книг или газет, кроме тех, которые буду приносить я.

Для начала Креншоу приготовил полдюжины книг из личной библиотеки, которую годами пополняла его неумная любознательность. Среди них были: труд одного немецкого врача о сексуальных патологиях – тысяча неизлечимых и безнадежных случаев, изложенных бесстрастным медицинским языком; собрание проповедей новоанглийского пастора эпохи Великого пробуждения⁵ с красочными описаниями адских мучений грешников; книга о призраках и всякой нечисти; сборник эротических новелл, причем в каждой новелле Креншоу выдрал пару финальных страниц, и сборник детективных рассказов, выхолощенных аналогичным образом. Дополнял эту подборку один из томов «Ньюгейтского справочника»⁶.

⁵ ...эпохи Великого пробуждения... – Так именуют религиозное движение в пуританской Новой Англии в середине XVIII в., возглавленное проповедником Джонатаном Эдвардсом (1703–1758).

⁶ «Ньюгейтский справочник» – шеститомное издание, включавшее биографии самых известных узников Ньюгейтской тюрьмы в Лондоне.

То был первый из длинной череды визитов Креншоу, регулярно повторявшихся каждые две недели. И всегда визит сопровождался мрачными и устрашающими речами вкупе с каким-нибудь жутким и нездоровым чтивом – за исключением одного случая, когда он долгое время продержал Изувера вообще без всякой литературы, а потом принес ему четыре книги с весьма привлекательными названиями, однако под красивыми обложками оказались пустые листы. В другой раз он пообещал в кои-то веки доставить ему свежую прессу, и после двухнедельного ожидания узник получил десять номеров бульварной газетенки, заикленной на репортажах о преступлениях и арестах. Периодически он покупал для Изувера медицинские атласы с цветными иллюстрациями самых отвратительных заболеваний – проказы, трофических язв и лишаев, злокачественных опухолей, гноящихся и кишасих червями ран.

И не было таких издательских клоак, откуда он не черпал бы информацию о пороках, болезнях и мерзостях человеческих.

Но так не могло продолжаться до бесконечности, поскольку редкие издания были недешевы, да и найти что-нибудь новое в том же духе становилось все сложнее. И через пять лет Креншоу сменил тактику истязаний. Теперь он сделал вид, что простил Изувера, и стал внушать ему надежды на помилование, подробно информируя о своих ходатайствах и прошениях в разные инстанции, – но лишь для того, что-

бы в финале разбить эти надежды вдребезги. От этого он перешел к угрозам пронести в тюрьму пистолет или горючую жидкость, дабы превратить камеру в пылающий ад, а ее обитателя – в головешку, и однажды бросил через решетку бутылку якобы с такой жидкостью, наслаждаясь воплями Изувера, который заметался в поисках укрытия от неминуемого огненного взрыва. Кроме того, он периодически с мрачным торжеством сообщал Изуверу, что власти штата наконец-то утвердили закон, согласно которому он будет казнен уже через несколько часов.

Так прошло десять лет. К сорока годам Креншоу поседел, а к пятидесяти стал белым как лунь. Со временем этот ритуал – повторявшиеся каждые две недели визиты сначала на кладбище к могилам жены и сына, а затем в тюрьму к их убийце – стал единственно значимой составляющей его жизни. Все прочее, включая ежедневную работу в универмаге, казалось лишь унылым однообразным сном. Иногда он приходил и просто сидел перед камерой Изувера, не произнося ни единого слова за отведенные ему полчаса. Узник также с годами седел, и белоснежная шевелюра в сочетании с роговыми очками придавала ему очень респектабельный вид. Судя по всему, он с большим уважением относился к Креншоу, и даже когда тот в одном из редких теперь всплесков агрессивности поклялся в следующий визит принести револьвер и покончить с этим раз и навсегда, Изувер лишь серьезно и грустно кивнул со словами: «Пожалуй, ты прав. Думаю, так

оно будет лучше для всех» – и не предупредил об этой угрозе тюремных охранников. В следующий раз он встретил посетителя у решетки, вцепившись руками в прутья с выражением отчаяния и надежды, – как известно, грозящая человеку смерть иногда вызывает у него своего рода кураж, что могут подтвердить многие солдаты, бывавшие под огнем.

А годы текли и текли. На работе Креншоу повысили до заведующего секцией, притом что новые поколения сотрудников, не ведая о давней трагедии, считали его просто ничемным занудой. Он получил небольшое наследство и обновил надгробные памятники жене и сыну. Близился пенсионный возраст, и по мере того как третье десятилетие проходило чередой белых зим с короткими летними всплесками тепла и зелени, он все больше утверждался в мысли, что с Изувером пора кончать, – нельзя было допустить, чтобы он пережил своего мучителя, а риск этого возрастал с каждым годом.

День «казни» был выбран им не наобум, придясь в аккурат на тридцатилетие со дня его первого визита. Револьвер для этой цели Креншоу заготовил давным-давно. Теперь он любовно перебрал патроны, вставляя их в барабан и прикидывая, какую часть тела Изувера должна поразить каждая из пуль, чтобы смерть была неизбежной, но не быстрой, – по фронтовым репортажам в газетах он получил представление о смертельных ранах в живот и долгой агонии жертв, зачастую умолявших товарищей, чтобы те их прикончили.

Что произойдет после этого убийства с ним самим, Креншоу несколько не волновало.

В назначенный день он без проблем пронес оружие мимо тюремной охраны. Однако на сей раз Изувер не ждал его с нетерпением, стоя у решетки, как это повелось в последние годы, а лежал, скорчившись, на койке в глубине камеры.

– Я болен, – простонал он. – С самого утра жуткая резь в животе. Мне дали слабительное, но стало только хуже, а никто больше не приходит.

Креншоу тотчас подумал, что боли в животе Изувера могли быть предощущением пуль, которые вскоре вонзятся в то самое место.

– Подойди к решетке, – позвал он.

– Я не могу ходить.

– А ты попробуй.

– Меня скрутило так, что не разогнуться.

– Тогда подойди не разгибаясь.

С огромным усилием Изувер приподнялся, но тут же рухнул с койки на бетонный пол. Он громко застонал, потом с минуту лежал тихо и наконец начал судорожными рывками – фут за футом – подползать к решетке, все так же не разгибаясь.

Внезапно Креншоу сорвался с места и побежал в конец коридора.

– Срочно позовите доктора! – крикнул он сидевшему там охраннику. – Заключенный болен – он очень плох, говорю

вам!

– Но доктор уже был утром...

– Позовите его снова, скорее!

Страж колебался, однако Креншоу за прошедшие годы приобрел здесь особый, чуть ли не привилегированный статус, так что охранник все же снял трубку и позвонил в тюремный лазарет.

Всю вторую половину дня Креншоу провел во дворике у ворот тюрьмы, расхаживая взад-вперед со сложенными за спиной руками. Время от времени он заглядывал в административный корпус и справлялся у дежурного:

– Есть новости?

– Пока ничего. Как что-то прояснится, мне сразу сообщат.

Уже темнело, когда из дверей показался сам начальник тюрьмы и завертел головой, отыскивая Креншоу. Последний поспешно приблизился.

– Он умер, – сказал начальник. – Разрыв аппендикса. Врачи сделали все, что могли.

– Умер... – повторил Креншоу.

– Сожалею, что принес вам такое известие. Я знаю, как вы...

– Все в порядке, – сказал Креншоу, облизнув пересохшие губы. – Стало быть, с ним покончено.

Начальник тюрьмы закурил сигарету.

– Раз уж вы здесь, мистер Энгельс, можете вернуть свой пропуск мне, чтобы не заходить потом в отдел. Надо пола-

гать, пропуск больше вам не понадобится.

Креншоу извлек из бумажника синюю карточку. Взяв ее, начальник тюрьмы пожал ему руку на прощание.

— Еще один вопрос, — сказал Креншоу, когда тот уже повернулся уходить. — Где расположено... где то самое окно лазарета?

— Оно выходит во внутренний двор, отсюда вы его не увидите.

— Понятно.

Начальник ушел, а Креншоу еще долго стоял на том же месте, и по лицу его текли слезы. Пытаясь собраться с мыслями, он начал вспоминать, какой это был день недели. Наконец вспомнил: суббота. По субботам дважды в месяц тридцать лет подряд он приходил сюда для встречи с Изувером.

Но через две недели они уже не увидятся. Теперь Креншоу был одинок в своем отчаянии.

— Вот он и умер, — произнес он вслух. — Он меня покинул.

Последовал протяжный вздох, в котором соединились печаль и страх.

— Я его потерял... последнего друга... теперь я совсем один...

Он продолжал повторять эти слова, когда покидал тюремную территорию; в какой-то момент пола его пальто застряла между створками массивных ворот, и охранник, вновь приоткрыв их, услышал все то же бормотание:

— Я один... вот и конец... теперь я совсем один...

Он еще раз пришел сюда много недель спустя, заявив, что хочет повидаться с Изувером.

— Но ведь он умер, — напомнил ему начальник тюрьмы.

— Ах да... — молвил Креншоу. — Как-то вылетело из головы...

И он пошел прочь, глубоко утопая ботинками в белоснежной, алмазно-искрящейся поверхности равнины.

Ночь при Чанселорсвилле⁷

Понятно, я ведать не ведала, во что вляпаюсь, иначе ни за какие коврижки не согласилась бы туда ехать. Да пропади они все пропадом со своей армией – и то сказать, одно название что армия, а на деле просто сборище придурков, трусы желтопузые⁸. А началось все с того, что моя подруга Нелл как-то возьми да и скажи:

– Нора, ты погляди, что творится: Филадельфия будто вымерла, как и Балтимор. Этак и мы с голоду загнемся этим летом.

А перед тем она получила письмо от одной из наших девчонок, в котором говорилось о их жизни в «славной старой Виргинии». Мол, солдатики нынче при деньгах, и проторчат они там до конца лета, если только мятежники не сдадутся раньше. Жалованье идет им без перебоев, так что смазливая да опрятная девчонка запросто может брать с клиента по...

⁷ *Ночь при Чанселорсвилле.* – Рассказ опубликован в феврале 1935 г. Описываемые события относятся ко времени Гражданской войны в США; действие большей частью происходит на севере штата Виргиния, примерно на полпути между Вашингтоном, столицей Союза, и Ричмондом, столицей Конфедерации. Битва при Чанселорсвилле продолжалась с 30 апреля по 6 мая 1863 г. и завершилась победой южан, несмотря на двойное численное превосходство федеральной армии.

⁸ ...*трусы желтопузые.* – Во многих странах Европы и Америки бытовало мнение, что печень тресков лишена крови и потому имеет желтый оттенок.

черт, забыла, по сколько... Хотя чему тут удивляться – после того, что с нами приключилось, недолго и собственное имя позабыть.

Вообще-то, я привыкла к порядочному обхождению – так уж выходит, что развязные поначалу мужчины потом делаются со мной уважительными, и я никогда не попадаю в такие истории, как некоторые девчонки, когда их бросают в незнакомом городе, а то еще и кошелек сопрут.

Ах да, я начала рассказывать о том, как мы отправились в армию, которая стояла в «славной старой Виргинии». Чтоб я еще когда связалась с этой армией – да ни в жизнь! Слушайте дальше и поймете почему.

Путешествия мне не в диковину, и знавала я их в лучшем виде – когда была еще маленькой, папа однажды возил меня на поезде в Балтимор аж из пенсильванского Йорка⁹, где мы тогда жили. Ездили в ту пору со всеми удобствами, что и говорить, – нам даже дали такие подушечки, чтобы мягче было сидеть, а по вагонам ходили торговцы с корзинами яблок и апельсинов. Идут и кричат нараспев: «Апельсинов кто желает? Яблоки спелые, сочные! А вот пиво – кому пива?» Да сами знаете, небось, как оно бывает в поездах – только пиво я там не брала, потому что...

Хорошо-хорошо, продолжаю... Вам, мужчинам, интересно слушать только про войну, но если все войны похожи на

⁹ ...в Балтимор аж из пенсильванского Йорка... – От Йорка, штат Пенсильвания, до Балтимора около 70 км по железной дороге.

ту, какую видела я, чтоб им всем...

Ну так вот, значит, на вокзале всех женщин посадили в один вагон. Билеты проверял вертлявый такой тип, он подмигнул нам и говорит:

– Никак пополненьице для Хукерова воинства?¹⁰

Лампы тамошние почти не давали света: стекла в них закоптились и были сплошь облеплены дохлой мошкаррой. Вообще вагон был старый и препаршивый, только что не рассыпался на ходу.

Нас там было десятка четыре веселых девчонок, большей частью из Балтимора и Филадельфии. Но были еще три-четыре дамочки иного сорта – ну то есть из богатых, – они сидели на передних местах. А из соседнего вагона к ним то и дело прибегал офицер и все спрашивал, не надо ли чего. Наши с Нелл места были сразу за ними, и мы слышали, как он шептал этим дамочкам:

– Вы оказались в неприятной компании, но потерпите, через несколько часов будем на месте, а в штаб-квартире я вас устрою с комфортом.

Никогда не забуду ту ночь. Мало кто сообразил прихватить еды в дорогу, но у девчонок позади нас нашлось немного колбасы и хлеба, и они дали нам остатки после того, как поели сами. В вагоне был бак для воды, но что толку, если воды в нем не было, сколько ни крути краник. Так мы ехали

¹⁰ ...для Хукерова воинства? – Генерал Джозеф Хукер (1814–1879) возглавлял армию северян в битве при Чанселорсвилле.

часа два – хотя какая там езда: пару минут проедем и станем, потом еще пару минут и снова стоп, – а потом из соседнего вагона притащились два лейтенанта, вдрабадан пьяные, и начали предлагать мне и Нелл виски прямо из горлышка. Нелл сделала глоток, я тоже притворилась, что пью, и они пристроились с краешку на наши сиденья. Один из них стал клеиться к Нелл, но тут опять явился офицер, который все время проводывал дамочек, – высокий чин, я думаю, майор или генерал.

– У вас все в порядке? Что-нибудь нужно? – спросил он уже в который раз.

Одна из дамочек что-то ему прошептала, тогда он повернулся к лейтенантику – тому, что клеился к Нелл, – и приказал ему идти обратно в свой вагон. А второй остался с нами, но он был не так чтобы уж сильно пьян – просто погано себя чувствовал.

– Да уж, веселая компашка собралась, – сказал он. – Ладно еще, что с этими лампами ничего толком не разглядишь. Такое чувство, будто у каждой из вас только что отдал концы лучший друг.

– А вдруг так оно и есть, ты почему знаешь? – быстро откликнулась Нелл. – Интересно, как бы ты смотрелся, если б катил на перекладных от самой Филадельфии и потом угодил в этот клоповник на колесах.

– Я качусь от самой «семидневной заварухи»¹¹, сестрен-

¹¹ ...от самой «семидневной заварухи»... – Так называемая Семидневная битва,

ка, – сказал он. – И видок имел бы всяко поприятнее, если б не лишился глаза при Гейнс-Милл¹².

Только тут мы заметили, что у него нет одного глаза. Прежде он его все время как бы прищуривал – в полутьме поди разберись. А вскоре он ушел, сказав, что постарается добыть нам воды или кофе – пить хотелось прямо жуть!

Вагон трясся и раскачивался так, что голова шла кругом. Кого-то из девчонок мутило, кто-то прикорнул на плече соседки.

– Ну где же эта армия? – ругалась Нелл. – В Мексику их занесло, что ли?

Я к тому времени уже клевала носом и ничего ей не ответила.

Проснулась я от сильного грома, поезд снова стоял.

– Гроза начинается, – сказала я.

– Гроза, как же! – фыркнула Нелл. – Это пушки гремят, у них тут бой!

– Ох! – И я совсем очнулась. – Знаешь, с такими делами мне уже все равно, кто из них победит.

Гром как будто приближался, но из окошек ничего не было видно – такая стояла мгла.

в действительности состоявшая из шести отдельных сражений, происходила с 25 июня по 1 июля 1862 г. неподалеку от Ричмонда. В конечном счете, ценой больших потерь южане отбросили противника от своей столицы.

¹² ...лишился глаза при Гейнс-Милл. – Сражение при Гейнс-Милл 27 июня 1862 г. было третьим по счету сражением Семидневной битвы и ознаменовалось самой крупной единовременной атакой южан за все время войны.

А где-то через полчаса появляется в вагоне незнакомый офицер, и вид у него самый неважнецкий, будто сию минуту из постели выпрыгнул: мундир расстегнут, и брюки без подтяжек сползают, так что он их рукой должен придерживать.

– Ну-ка, дамочки, на выход! – командует он. – Вагон нужен для раненых.

– Еще чего!

– Мы оплатили свой проезд, разве нет?

А он:

– У нас не хватает места для раненых, все другие вагоны уже заполнены.

– Нам-то что за дело? Мы сюда не воевать приехали!

– Воевать не воевать – но сейчас вы в самом адском пекле!

Я порядком струхнула, скажу честно. Я подумала, что нас могут захватить мятежники и посадить в одну из своих кошмарных тюрем, о которых столько рассказывали, – там людей морят голодом, а за корку хлеба ты должен целыми днями распевать «Дикси»¹³ и целоваться с негритосами.

– Пошевеливайтесь! – кричит он.

Вдруг появляется еще один офицер, поприличнее с виду.

– Оставайтесь на местах, дамочки, – говорит он и поворачивается к расхристанному. – Вы что, хотите их высадить и бросить прямо на обочине? Если корпус Седжвика и вправду

¹³ ...распевать «Дикси»... – «Dixie» – популярная песня, написанная около 1859 г. Дэном Эмметом и в годы Гражданской войны являвшаяся неофициальным гимном Конфедерации.

разбит, как о том говорят, противник двинется прямо сюда!

Тут кто-то из девчонок зарыдал в голос.

– Как-никак, эти женщины северянки, – добавил более приличный офицер.

– Да они же обыкновенные... – начал другой.

– Хватит спорить! Ступайте к своим солдатам! За транспорт отвечаю я – и я доставлю их обратно в Вашингтон этим же поездом.

Я думала, они сейчас подерутся, но оба просто вышли из вагона. А мы остались сидеть и гадать, что с нами будет дальше.

А вот что было дальше, я помню уже смутно. Пушки гремели то тут, то там, а ружейная пальба шла так и вовсе рядом. Одну девчонку на другом конце вагона чуть не убило пулей, которая угодила в самую середину окошка, и оно раскололось, но не так, как если бы стукнуть по стеклу чем тяжелым, а скорее как колется лед зимой на пруду – дырочка, и от нее трещины паутинкой, ну да сами знаете. Я слышала, как у нас под окнами проскакало много лошадей, но видеть по-прежнему ничего не видела.

Так прошло еще примерно полчаса – с топотом копыт и пальбой. Шумели все больше впереди, ближе к нашему паровозу.

А потом вдруг все стихло, и в наш вагон забрались двое – мы сразу поняли, что это южане, причем не офицеры, а рядовые солдаты, с мушкетами. На одном было что-то вро-

де старой коричневой куртки, а на другом что-то синее, все заляпанное пятнами, – этого типа я ни за что бы не согласилась обслуживать. Мало что в пятнах, одежка была ему явно коротка и даже близко не походила на военную форму. Просто пугало огородное. И еще меня удивил цвет – я-то думала, они все носят серое¹⁴. Смотрелись оба отвратно и были грязные, как черти; у одного в руке была банка варенья, и он лопал его, размазывая по роже, а второй где-то урвал большую коробку с печеньем.

– Э, да тута мамзели!

– Их-то каким сюды занесло?

– Ты не дотумкал, Стив, – это ж личный штаб старины Джо Хукера!

– Мабыть, свести их к генералу, как мозгуешь?

Я едва понимала их речь – так жутко они коверкали слова.

С одной из девчонок случилась истерика, и это их вроде как смутило. Совсем еще юнцы, хоть и обросли бородами. Один коснулся пальцами своей шляпы, или кепи, или как еще называлась та рвань, что была у него на башке.

– Да не пужайтесь вы так, мамзели, мы вас не тронем.

Тут снова поднялась пальба впереди, у паровоза, и южан этих будто ветром сдуло.

Как мы были рады, и не опишешь!

¹⁴ ...я-то думала, они все носят серое. – Военная форма конфедератов была серого цвета, но слабая промышленность Юга не позволяла как следует экипировать всю армию, и многие солдаты были одеты кто во что горазд.

А еще через четверть часа появился наш офицер. Новый – то есть не из тех, кого мы видели раньше.

– Сядьте на пол и пригните головы! – заорал он. – Они могут открыть огонь по поезду. Скоро двинемся назад, вот только примем еще два полевых лазарета.

Многие девчонки скрючились на полу еще задолго до его совета. Богатые дамы с первых сидений ушли в соседний вагон – помогать раненым, если чем смогут. Нелл пошла было следом за ними, но скоро вернулась, зажимая пальцами нос, и сказала, что вонища там несусветная.

И хорошо, что не стала набиваться в помощницы, потому что все эти больные думают только о себе и неспособны по-человечески отнестись к обычным здоровым людям. Когда две другие девчонки из нашего вагона пошли туда и вызвались помочь, медсестры вывели их вон так грубо, словно те были грязью у них под ногами.

Я уж не знаю, сколько прошло времени, прежде чем поезд тронулся с места. А вскоре пришел солдат, слил остатки масла из всех наших ламп, кроме одной, и унес масло в вагон с ранеными. Теперь мы и друг дружку-то едва видели.

Если на юг поезд плелся еле-еле, то обратно он ехал еще медленнее. Раненые в соседнем вагоне подняли такой дикий шум – стонали, кричали, бредили, – что уснуть было просто невозможно.

Останавливались мы на каждом полустанке.

Когда наконец поезд дополз до Вашингтона, на вокзале

собралась огромная толпа встречающих. Все хотели узнать, что там случилось с армией, но я на их вопросы отвечала: «Без понятия». Мне хотелось только одного: найти комнату с кроватью и завалиться спать. Так плохо, как в той поездке, со мной еще никто и никогда не обращался.

Одна из наших девчонок даже собралась писать жалобу президенту Линкольну.

А на другой день в газетах не было ни слова о том, как на наш поезд напали, и вообще ни словечка о нас! Ну куда это годится, скажите?

Утро Барбоса¹⁵

Очнувшись от блохастых беспокойных снов, я первым делом профыркал свою нюхалку и обежал двор в надежде учуять что-нибудь интересное, но без толку – сильный ветер уносил все запахи.

В моей миске лежали остатки вчерашних сухарей. Исходя из опыта, скажу вам так: на свете нет вещей менее вдохновляющих, чем сухая корочка на завтрак промозглым ветреным утром.

Умница вышла из дома очень рано, что стало в порядке вещей с тех пор, как у нее завелись какие-то дневные дела неведомо где. Я подбежал ее поприветствовать, от всей души виляя хвостом. Вы не подумайте, я вовсе не из тех безмозглых шавок, которые мнят своего хозяина чуть ли не богом, даже когда он всего-навсего старый нигтер, а его одежда пахнет чужими людьми, отдавшими ему свои обноски, – но Умница как хозяйка на высоте, надо отдать ей должное.

С юных месяцев я усвоил, что людей не заботят никакие запахи, кроме их собственного, и это знание позволяет мне избегать проблем с Умницей – кроме того случая, когда я среди ночи принес ей в подарок отличную кость, а она швырнула ее мне в морду, да так, что едва не выбила глаз.

¹⁵ *Утро Барбоса*. – Рассказ опубликован в мае 1935 г.

Я полагал этот день вполне подходящим для прогулки с хозяйкой за город и купания в пруду, да не тут-то было. Она вновь забралась в свою самоходную будку и укатила невесть куда, предоставив мне развлекаться на свой лад. В который раз я пожалел, что не имею никакого серьезного занятия.

Мой лучший друг, живущий в доме напротив, еще только дожидался утренней кормежки, и от нечего делать я немного размялся в компании кабысдоха из соседнего двора. Он припелся, грозно твякая и пискляво рыча, – знает, что за ругань я его всерьез трепать не стану, вот и куражится.

– Ты неуклюжий ком шерсти, и ничего больше! – рычал он. – Я могу наброситься на тебя с любой стороны, а ты и повернуться не успеешь.

– Да неужто? – спросил я, забавляясь его показной свирепостью, после чего мы выполнили привычную серию упражнений: ложные выпады и наскоки, захваты за лапу и за горло, перекаты и кувырки.

Было в целом ничего себе, но позднее, когда мы сели отдышаться, я подумал, что настоящую силовую разминку с партнером вроде кабысдоха не проведешь – он все больше увертывается да описывает круги. А я люблю сшибаться грудью в грудь, желательно с кем-нибудь покрупнее этого доходяги. Однажды он слишком увлекся игрой и тяпнул меня до крови, но я тут же отмутузил его за милую душу.

– Чтобы больше такого не было, не то шкуру сдеру, – пригрозил я.

– Да я же нечаянно, без обид...

– Вот и ты потом не обижайся.

В этот раз, когда мы отдыхали, он спросил:

– Чем займешься этим утром?

– А у тебя есть идеи? Даже не думай снова втянуть меня в погоню за каким-нибудь котом. Глупый пес до старости щенок – это про тебя.

– Я не имел в виду котов.

– Тогда что? Мясо? Или сучек?

– Могу показать тебе одно сытное местечко.

– С чего это вдруг ты решил делиться? Не иначе, в тех местах водится здоровый пес.

Поджидая моего друга, мы коротали время за лаем – хотя лалял в основном лишь кабысдох. Эти малявки способны брехать без умолку с утра до вечера, при этом даже не охрипнув. А он еще, носясь кругами, вздумал облаять группу школьников и дал мне повод для веселья, когда схлопотал пинок под ребра и завизжал благим матом. Я же гавкнул солидным баском лишь пару-тройку раз, чтобы прочистить глотку, – не в моем стиле драть ее без нужды и повода.

Когда мой друг наконец вышел из дома, кабысдох повел нас показывать свою находку. Как я и предполагал, там не было ничего особенного – просто мусорный бак с неплотно пригнанной крышкой, которую можно было поддеть носом.

Я уловил оттуда интересный запах, но вскоре понял, что он вчерашний, так что мы с другом задали взбучку кабысдоху за потерянное по его милости время и продолжили прогулку вдвоем.

Вскоре мы пристроились за высокой женщиной – в ее сумке лежал кусок свежего мяса. Мы прекрасно знали, что нам оно не светит, но ведь всякое может случиться. И потом, иногда хочется забыть о жратве и просто бежать за человеком, представляя, что он твой хозяин или что он тебя куда-то ведет. А еще через пару кварталов я уловил новый запах.

– Пахнет свадьбой, – сказал я.

– Ну и нос у тебя! – позавидовал друг, безрезультатно пригнувшись. – Должно быть, я старею. Глаза еще видят, а вот с чутьем дело худо.

– Ерунда, это ветер тебе помешал, – успокоил я его, хотя нюх у него и вправду слабоват.

Мне на свой грех жаловаться, но вот глаза временами подводят. Через минуту и друг поймал запах, после чего мы оставили женщину с мясом и побежали туда, откуда дул ветер.

Этак мы трусили, наверное, с милую, понемногу начиная злиться.

– Есть ли смысл продолжать? – спросил наконец мой друг. – Или у меня с башкой неладно, или в этом букете уже с десяток запахов.

– Я насчитал десятка два как минимум.

– Может, повернем обратно?

– Но мы почти на месте, давай уж глянем.

Мы поднялись на холм и оттуда увидели дворняжью свадьбу – такого столпотворения я не припомню со времени последней собачьей выставки.

– Дохлый номер, – сказал я, и мы побежали домой.

Умница еще не вернулась, но Бородач был на месте. У этого свои заморочки: держит невысоко над землей палку и несет всякий вздор убеждающим тоном – я-то давным-давно понял, что он проверяет, настолько ли я глуп, чтобы прыгать через эту дурацкую палку. Я мог бы схватить ее зубами, но не стал этого делать, а просто обошел палку стороной. Тогда он прицепился ко мне с другим трюком, который все они время от времени пытаются проделать: поднял мои передние лапы, заставляя стоять только на задних. Понятия не имею, зачем им это нужно.

Потом он притащил музыкальную коробочку, и та заиграла мелодию, от которой мне всегда жутко хочется выть. Тут уж я не вытерпел и дал деру со двора на улицу. Навстречу попался пес, несущий в пасти газету и оттого невероятно довольный собой. В свое время я тоже подрядился было на эту работенку, да вот беда – позабыл, что несу не кость, а газету, и по привычке стал закапывать ее в углу двора, где меня увидел Бородач, и это было ох как больно!

Вскоре я увидел своего друга дальше по улице. Это крупный пес благородных кровей, такого заметить легко. Он остановился на минутку, чтобы обменяться приветствиями со знакомым мальчишкой, а потом заметил меня и радостно помчался через перекресток. Что случилось после того, я не разглядел. Была уже середина дня, и по улице катилось множество самоходных будок. Одна из них резко встала на перекрестке, потом остановилась другая, начали вылезать люди. Я поспешил туда вместе с несколькими пешеходами.

И там я увидел моего лучшего друга; он лежал на боку, из пасти текла кровь, глаза были открыты, но дышал он тяжело и хрипло. Все вокруг сильно волновались и шумели, пса перенесли на лужайку рядом с его домом, откуда выскочили хозяйские мальчик и девочка, подбежали и заплакали. Я и еще один пес, также хорошо его знавший, пробрались через толпу, и я хотел сочувственно лизнуть друга, но тот вскинулся и зарычал: «Пррррчь!» Бедняга вообразил, будто я хочу его сожрать, пользуясь тем, что он покалечен и беспомощен.

Мальчик крикнул мне: «Пшел отсюда!» – и это было очень обидно, потому как я никогда прежде не ел собак и не намерен есть их в будущем – разве что с дикой голодухи. Но я, понятно, отошел в сторону, чтобы не нервировать своего друга, и оттуда следил за тем, как его на одеяле уносят в дом. После этого мы обнюхали кровавое пятно на земле, а одна из подбежавших собак его лизнула.

Вернувшись к себе во двор, я завыл – без всякой музыки, ни с того ни с сего, – а потом пошел проверить, не прикатила ли Умница. Но ее еще не было, и я начал беспокоиться: вдруг с ней тоже случилось что-нибудь страшное и я больше ее не увижу? Я уселся на крыльце и стал ждать, а она все не приезжала; тогда я поскребся в дверь, и Бородач пустил меня внутрь, где я опять слегка взвыл, а он почесал меня за ухом.

Потом я вышел на крыльцо – и увидел Умницу, вылезающую из своей самоходной будки. Я кинулся к ней со всех лап, потыкался носом ей в руку, начал прыгать вокруг и едва не свалил ее, когда она поднималась по ступенькам. До чего же я рад был ее возвращению! Она дала мне еду – говяжьих обрезки, замоченные в молоке сухари и отличную кость. Сперва я съел мясо, потом вылакал молоко, а сухари полизал, но есть не стал. Косточку я погрыз в свое удовольствие и потом неглубоко закопал в укромном месте. У меня этих костей уже штук сто закопано повсюду – сам не знаю, зачем я это делаю. Я никогда их потом не откапываю, разве что случайно наткнусь; но и оставлять их просто так валяться на земле я не могу, хоть убейте.

После этого я побежал к дому, где живет мой лучший друг, чтобы его проведать, но не нашел там никого, кроме девочки, которая сидела на качелях и плакала.

Музыка в трех актах¹⁶

I

Поначалу она слышалась едва-едва, растворяясь в неярком голубоватом свете с проблесками нежно-розового. Потом было просторное помещение, заполненное молодыми людьми, – и только здесь они наконец-то ее узнали и почувствовали.

Как их звали, не суть важно. Этот рассказ – о музыке.

Он взошел на эстраду, где пианист позволил ему прочесть надпись на нотном листе: «Из мюзикла „Нет, нет, Нанетт“ Винсента Йоманса»¹⁷.

– Спасибо, – сказал он пианисту. – Я бы охотно подкинул вам чаевых, но, когда у интерна в кармане заведется доллар с мелочью, он скорее потратит их на свою свадьбу.

– Не беда, док. У меня в кармане было примерно столько же, когда я женился прошлой зимой.

Он вернулся к столику, и она спросила:

¹⁶ *Музыка в трех актах*. – Рассказ опубликован в мае 1936 г.

¹⁷ ...«Из мюзикла „Нет, нет, Нанетт“ Винсента Йоманса». <...> Пока играет «Чай для двоих». – Песня «Tea For Two» («Чай для двоих») из мюзикла «Нет, нет, Нанетт» (1925; музыка Винсента Йоманса, слова Ирвинга Цезаря) в 1920–1930-х гг. была популярна по обе стороны Атлантики, а ее мелодия стала джазовым стандартом.

– Ну что, узнал, как зовут автора песни?

– Не узнал. Долго мы здесь пробудем?

– Пока играет «Чай для двоих».

Позднее, по выходе из женской гардеробной, она поинтересовалась:

– А кто это играл?

– Господи, да откуда мне знать? Оркестр играл.

Теперь музыка просачивалась сквозь двери зала:

Чай...

двоих...

Двое...

чая...

– Никогда нам не пожениться. Я и в медсестры-то еще не выбилась.

– Тогда оставим эту затею и проведем остаток дней, бродя по таким местечкам и слушая музыку. Как там, кстати, звали автора?

– Это ты должен мне сказать. Ты же сувал нос в самые ноты.

– Не «сувал», а «совал».

– Смотрите какой знаток!

– Однако же я узнал имя автора.

– И кто это?

– Некий Винсент Йоманс.

Она замурлыкала:

И я
с тобой,
И ты
со мной
Вдво-е-ом...

Когда они шли по коридору к выходу, их руки на мгновение сплелись.

– Даже если ты лишишься последнего доллара и мелочи, я все равно согласна быть твоей женой, – сказала она.

II

Проходили годы, но музыка по-прежнему звучала в их жизни. Теперь это были «Я одинок», «Вспомни», «Всегда», «Синее небо» и «А как же я?»¹⁸. Он только что вернулся из поездки в Вену, хотя это уже не слишком впечатляло.

– Подожди немного здесь, – сказала она перед дверью операционной. – Если хочешь, послушай радио.

– Ах, какие мы стали важные-занятые...

Он включил радио.

¹⁸ «Я одинок», «Вспомни», «Всегда», «Синее небо» и «А как же я?» – «All Alone», «Remember», «Always», «Blue Skies», «How About Me» – песни Ирвинга Берлина (1888–1989), написанные в ту пору, когда «выскачка» Берлин добивался руки Эллин Маккей, дочери почтово-телеграфного магната, упоминающейся на с. 32 («Я слышала, он женился на богатой наследнице»).

Вспомни
ту ночь,
когда ты сказала...

– Ты мне просто пускаешь пыль в глаза или вся медицина действительно начинается и заканчивается Веной? – спросила она.

– Вовсе нет, – сказал он со смиренным видом. – А ты, я вижу, здорово наловчилась гонять ординаторов и хирургов.

– На подходе операция доктора Менафи, и надо перенести удаление миндалин на другое время. Прости, у меня куча дел. Как-никак, заведу операционной.

– Но вечером мы с тобой где-нибудь поужинаем? Закажем оркестрантам «Я одинок».

Она помедлила, внимательно на него глядя.

– Да, я давно уже одинока. И кое-чего добилась в жизни, хотя ты этого не заметил... Скажи, а кто такой этот Берлин? Он вроде бы начинал тапером в дешевых ресторанчиках. У моего брата было придорожное кафе, и он предлагал мне открыть свое, давал деньги. Но не лежала у меня к этому душа. Так что там с Берлином? Я слышала, он женился на богатой наследнице.

– Да, они недавно поженились...

Тут она, спохватившись, прервала разговор.

– Извини, мне до начала операции еще нужно уволить одного интерна.

– Я сам был интерном когда-то. Могу понять.

...Тем вечером они все же выбрались в ресторан. Она теперь зарабатывала три тысячи в год, а он все так же принадлежал своей семье – старой консервативной семье из Вермонта.

– Вернемся к Ирвингу Берлину. Он счастлив с этой девичей Маккей? Что-то песни у него невеселые...

– Думаю, он в порядке. А вот ты – счастлива ли ты?

– Это мы уже давно обсудили. Что я значу вообще? Да, сейчас я имею кое-какое значение, но, когда я была всего лишь девчонкой из пригорода, твоя семья решила... Не ты, – быстро добавила она, заметив тревогу в его глазах. – Я знаю, это было не твое решение.

– В ту пору я знал о тебе еще кое-что. Я знал три вещи: что ты родом из Йонкерса¹⁹, что ты частенько перевираешь слова...

– И что я хотела выйти за тебя замуж. Забудем это. Твой приятель мистер Берлин говорит куда лучше нас. Давай послушаем его.

– Я его слушаю.

– То есть я хотела сказать: послушаем.

Не пройдет и года, как...

¹⁹ *Йонкерс* – формально отдельный город, фактически – рабочий пригород Нью-Йорка к северу от Бронкса.

– Почему ты назвала его моим приятелем? Я этого мистера Берлина и в глаза не видел.

– Я подумала: может быть, ты встречался с ним в Вене, пока жил там?

– Не видел я его ни там, ни где-либо еще.

– Он точно женился на той девушке?

– Почему ты плачешь?

– Я не плачу. Я только сказала, что он женился на той девушке, – он ведь на ней женился? Почему бы мне об этом не спросить? Если уж на то пошло... когда...

– Ты все же плачешь, – сказал он.

– Нет. Честное слово, нет. Это все из-за работы, очень устают глаза. Давай потанцуем.

Над
голо —
вой... —

исполнял оркестр.

Синее
небо
над
голо —
вой...

Танцуя в его объятиях, она вдруг вскинула голову:

– Значит, по-твоему, они счастливы?

– Кто?

– Ирвинг Берлин и девчонка Маккей.

– Откуда мне знать, счастливы они или нет? Я же сказал, что не знаю их и никогда их не видел.

Мгновение спустя она прошептала:

– Мы все их знали.

III

Этот рассказ – о музыке. Иногда люди ведут мелодию, а иногда она ведет людей. Как бы то ни было:

– Значит, не суждено, – произнес он с ноткой обреченности.

Дым застит глаза... – ²⁰

меж тем говорила музыка.

– Почему?

– Потому что мы уже слишком старые. Да ты и сама не захочешь – теперь, когда тебе дали эту работу в Дюкском центре²¹.

– Я туда еще не перебралась.

²⁰ *Дым застит глаза...* – «Smoke Gets in Your Eyes» – лирическая песня из мюзикла «Роберта» (1933; музыка Джерома Керна, слова Отто Харбака).

²¹ *Дюкский центр* – одно из ведущих медицинских учреждений Америки, основанное в 1930 г. при Дюкском университете в Северной Каролине.

- Но работу-то дали. И будут платить четыре тысячи в год.
- Ты получаешь вдвое больше.
- То есть ты все еще согласна?

Когда твое сердце пылает... —

продолжал оркестр.

- Нет. Думаю, ты прав. Уже слишком поздно.
- Слишком поздно для чего?
- Просто «слишком поздно», как ты сам сказал.
- Я не это имел в виду.
- И все равно ты был прав... Тише.

Взгляду
улада,
Сердцу
отрада...²²

– Эта песня – как раз о тебе, – сказал он с чувством.
– Что? Это я-то взгляду улада и так далее? Тебе следовало сказать это мне пятнадцать лет назад. А сейчас у меня под началом целая клиника... Я по-прежнему женщина, – добавила она после паузы, – но уже не та женщина, которую ты знал когда-то. Теперь я совсем другая.

²² *Взгляду улада, сердцу отрада...* – «Lovely To Look At» – песня, добавленная в мюзикл «Роберта» при его экранизации в 1935 г. (музыка Джерома Керна, слова Дороти Филдс).

Взгляду услада... —

гнул свое оркестр.

— Да, я могла услаждать взгляды, когда была никем и даже не умела правильно выражаться...

— Я никогда не думал...

— Только не начинай снова. Лучше послушаем, что они играют.

— Песня так и называется: «Взгляду услада».

— А кто автор?

— Его зовут Джером Керн.

— А с ним ты встречался, когда в последний раз ездил в Европу? Он твой приятель?

— Никогда его не видел. С чего ты взяла, будто я должен знать всю эту звездную братию? Я всего-навсего врач. Я не музыкант.

Она помолчала, размышляя: откуда в ней эта горечь?

— Должно быть, все потому, что я за эти годы не встречала никаких знаменитостей, — сказала она наконец. — Впрочем, однажды я видела самого доктора Келли²³, но только изда- лека. Я стала такой, какая есть, просто потому, что хорошо делаю свое дело.

— А я стал таким, потому что...

²³ ...видела самого доктора Келли... — Говард Этвуд Келли (1858–1943) — известный гинеколог, рентгенолог и хирург.

– Для меня ты всегда будешь лучше всех. Как, ты сказал, звали этого автора?

– Керн. И я не говорил «звали». Я сказал «зовут».

– Ты всегда любил меня поправлять. А теперь мы оба располнели – средний возраст, ничего не попишешь. Не так уж много радостей выпало на нашу долю.

– В том не моя вина.

– В этом нет ничьей вины вообще. Просто так уж вышло. Давай потанцуем. Красивая мелодия. Как, ты сказал, звали того автора?

– Керн.

Откуда знаю я,

Что любовь верна...²⁴

– Однако у нас было все это, верно? – спросила она. – Были все эти люди – и Йоманс, и Берлин, и Керн. Им, наверно, пришлось наизнанку вывернуться, чтобы написать такие песни. А мы эти песни слушали вместе с тобой.

– Боже, но ведь этого так мало... – начал он, но она его прервала:

– Давай не будем зря мусолить эту тему. Ведь это наше с тобой достояние. Это все, что мы узнали о жизни. И у этих людей были имена – ты знал их имена.

²⁴ *Откуда знаю я, что любовь верна...* – начальные слова песни «Smoke Gets in Your Eyes».

– Их имена...

– Ты хоть с кем-нибудь из них познакомился за все годы, что провел в Европе?

– Ни разу не видел никого из них.

– Вот и я никогда их не увижу.

Она задумалась, представляя себе широкие просторы той жизни, какая могла бы быть у них вдвоем. Она могла бы стать женой этого человека, родить ему детей и, если нужно, умереть ради него... А вместо этого она в одиночку выкарабкивалась из унижительной нищеты, получала образование, делала карьеру, стремилась вперед – навстречу одинокой старости. И сейчас ей уже не было дела до этого мужчины, так и не ставшего ее мужем. Но ей очень хотелось знать, как жили все эти композиторы – Йоманс, Берлин, Керн, – и она думала, что, если их жены вдруг попадут к ней в клинику, она сделает все возможное для того, чтобы они чувствовали себя счастливыми.

Муравьи в Принстоне²⁵

Сейчас, по прошествии достаточно большого промежутка времени, я считаю возможным наконец-то поведать миру историю, мало кому известную доподлинно и за эти годы обросшую массой дичайших домыслов и предположений. Будучи выпускником Принстона и состоя в дружеских отношениях с некоторыми должностными лицами университета, ваш покорный слуга владеет самой точной информацией о тех событиях, начавшихся с достопамятного собрания преподавательского состава и едва не завершившихся трагедией во время футбольного матча между двумя университетскими командами.

Лишь одна подробность так и осталась мне неведомой: кто именно из профессоров первым высказал идею о допуске *муравьев* к учебе в университете. Среди приведенных в пользу этого доводов был, помнится, и такой: эти высокоорганизованные, исключительно дисциплинированные и, главное, на

²⁵ *Муравьи в Принстоне*. – Рассказ опубликован в июне 1936 г. Сюжет был навеян конфликтом между футбольными командами Принстона и Гарварда, когда после победы принстонцев в 1926 г. со счетом 12 : 0 гарвардцы выпустили памфлет, изображавший победителей как «шайку уголовников, мошенников и пьянчуг, с которыми стыдно иметь дело приличным людям». Принстон не остался в долгу, и после серии взаимных оскорблений матчи между двумя этими университетами не проводились на протяжении семи лет, возобновившись только в 1934 г.

редкость трудолюбивые насекомые могут послужить вдохновляющим примером для всех прочих студентов Принстона.

Следующей осенью эксперимент стартовал при самых благоприятных обстоятельствах и превосходных шансах на успех. Беззаветные старания профессора бактериологии _____ и беспримерная щедрость мистера _____ из попечительского совета обеспечили набор необходимого количества муравьев, подходящих для участия в эксперименте. Причем все это было проделано столь тактично, что многие студенты даже не подозревали о присутствии в классах новых соучеников и могли бы оставаться в неведении вплоть до самого выпуска, если бы не инцидент, о котором и пойдет речь ниже.

Известная миниатюрность телосложения помешала некоторым из муравьев «шагать в ногу» с остальными студентами, и этих особей, увы, пришлось отчислить по окончании зимней сессии. Однако большинство муравьев справлялось очень даже неплохо на протяжении всего учебного года, хотя в их среде был отмечен прогрессирующий комплекс неполноценности. Этот комплекс проявлялся особенно сильно у самого крупного и физически развитого муравья, по мере того как в нем крепла убежденность, что именно ему назначено судьбой представлять своих собратьев перед лицом всего студенческого сообщества.

Размеры этого муравья, надо сказать, были вполне соиз-

меримы с человеческими, а посему нет ничего удивительного в том, что амбиции подтолкнули его к вступлению в университетскую футбольную команду.

Это оказалось не так уж сложно, ибо весь предыдущий год команду лихорадило и она пребывала в полуразобранном состоянии. И дабы положить этому конец, из Миннесоты был призван Фриц Крайслер²⁶, взявший бразды правления в свои руки.

Мистер Крайслер согласился занять тренерский пост при условии, что ему предоставят полную свободу действий при формировании новой, лучшей команды, – и первый же вопрос, естественным образом всплывший в этой связи, касался муравья.

К тому времени муравей играл в линии нападения второго состава команды, каковой факт сам по себе – вне зависимости от спортивных и личностных качеств муравья – казался возмутительным многим старым выпускникам Принстона, еще помнившим времена, когда в их команде выступали такие легенды, как Хиллебранд, Биффи Ли, Большой Билл Эдвардс и братья По²⁷.

²⁶ ...из Миннесоты был призван Фриц Крайслер... – Герберт Орин Крайслер (1899–1981) по прозвищу Фриц – тренер футбольной команды университета Миннесоты в 1930–1931 гг., позднее – в 1932–1937 гг. – тренировавший команду Принстона, которая под его руководством добилась немалых успехов. Фицджеральд был лично знаком с Крайслером и нередко досаждал ему телефонными звонками и советами накануне важных матчей.

²⁷ ...еще помнившим времена, когда в их команде выступали такие легенды,

Однако Крайслер был тверд и принципиален.

– В наших миннесотских командах, – заявил он, – мы никого не дискриминируем по расовому признаку – кроме скандинавов, разумеется²⁸.

Прошли весенние тренировки команды, а когда осенью начались предсезонные сборы, старые выпускники смирились с ситуацией. Между тем муравья перевели в основной состав, где он стал важным винтиком в механизме игры ввиду своей универсальности, одинаково хорошо действуя как в защите, так и в нападении.

Уже в самом начале сезона специалисты увидели в нем претендента на звание лучшего игрока чемпионата. Он был крупный, сильный и жесткий, а его поразительный стиль прорыва «низом» через линию защиты и ставящая противника в тупик способность нести мяч в любой из восьми лап²⁹, казалось, открывали новую эру в американском футболе. Постепенно вокруг него стали строиться все атакующие действия команды.

Тот сезон запомнился всем выпускникам Принстона: со-

как Хиллебранд, Биффи Ли, Большой Билл Эдвардс и братья По. – Знаменитые игроки принстонской команды в 1880–1890-х гг.

²⁸ *В наших миннесотских командах... мы никого не дискриминируем по расовому признаку – кроме скандинавов, разумеется.* – Потомки выходцев из стран Северной Европы составляют около трети населения Миннесоты, называемой «самым скандинавским штатом Америки».

²⁹ *...в любой из восьми лап...* – Так у автора. Для сведения: у обычных муравьев шесть конечностей.

перники из Корнелла, Пенсильвании, Дартмута, Колумбии и Йеля, не говоря уже про заведомых «мальчиков для битья» – выступавшего вторым составом Лоренсвиля и Нью-Джерсийской исправительной школы для наркоманов³⁰, – один за другим пали под натиском «Тигров»³¹ или, говоря уж по справедливости, муравья, так как именно ему все спортивные обозреватели приписывали главную заслугу в этих победах. Когда в ходе матча с Йелем ему оторвали голову, это повергло в ужасное смятение весь принстонский кампус, но голову удалось прикрепить на место, и болельщики вздохнули с облегчением.

Оставалось единственное препятствие на пути к блистательному завершению сезона и финальной игре на «Роуз-Боул»³². Последний матч восточного чемпионата предстояло сыграть с Гарвардом; и тут капитан гарвардской команды Кабот Сэлтонвиль вдруг публично заявил, что скорее предпочтет вообще отказаться от игры, нежели выходить на поле против муравья.

– Не думаю, что здесь нужны какие-то дополнительные пояснения, – сказал он падким на сенсации репортерам, – но

³⁰ ...Нью-Джерсийской исправительной школы для наркоманов... – Это учебное заведение вымышлено автором.

³¹ «Тигры» – традиционное название команд Принстонского университета в любых видах спорта.

³² ...финальной игре на «Роуз-Боул». – Стадион в Пасадене (Калифорния), где с 1902 г. проводятся финальные матчи студенческого чемпионата по американскому футболу между сильнейшими командами Востока и Запада.

даю вам слово старого гротонца³³: это заявление ни в коей мере не вызвано страхом.

По сему поводу жаркие словесные баталии развернулись в прессе и в обоих кампусах. Принстонцы, естественно, узрели в этом попытку посредством закулисных махинаций лишить их команду звездного игрока. Среди прочего было отмечено, что муравьям посвящен выдающийся научный труд Метерлинка, а упоминания о бостонцах можно найти разве что в записках Адамса³⁴. Гарвардцы практически единодушно поддерживали своего капитана и разогнали митинг местных радикалов, попытавшихся представить спор как «новый виток классовой борьбы».

В конце концов Принстон уступил, и муравей не был допущен к игре. Сэлтонвиль добился своего.

По ходу матча события развивались вполне предсказуемо. Лишившись своей многоногой ударной силы, принстонская команда передвигалась по полю, будто парализованная. Счет уверенно возрастал – 7:0, 14:0, 50:0, 65:0, – и крики болельщиков с «тигриных» трибун все больше походили на мучи-

³³ ...старого гротонца... – то есть бывшего ученика Гротонской частной школы в Массачусетсе, которая славится наивысшим процентом своих выпускников, поступающих в лучшие университеты Америки.

³⁴ ...муравьям посвящен выдающийся научный труд Метерлинка, а упоминания о бостонцах можно найти разве что в записках Адамса. – Имеются в виду философский труд Мориса Метерлинка «Жизнь муравьев» (1930), в котором проводится аналогия между ними и человеческим обществом, и сочинения американского писателя и историка Генри Адамса (1838–1918), уроженца Бостона.

тельный стон.

Наконец кто-то из них – легенды приписывают инициативу одному первокурснику – завел кричалку:

– Мураша в игру! Мураша в игру!

Ближайшие к нему болельщики подхватили, и вскоре уже весь черно-оранжевый сектор скандировал:

– Му-ра-ша в иг-ру!

Тут-то гарвардский капитан Сэлтонвиль и совершил фатальную ошибку. Его чрезмерная самоуверенность – при подавляющем превосходстве в счете всего за десять минут до конца матча – обернулась одним из тех рыцарственных жестов, склонность к которым он унаследовал от многих поколений новоанглийских предков.

Он взял тайм-аут и, повернувшись в сторону принстонских трибун, крикнул:

– Выпускайте на поле свою букашку!

И муравья выпустили на поле. Он был в обычной одежде, без формы, щитков и шлема, поскольку в тот день не числился даже среди запасных, но уже через десять секунд об этом все забыли, ибо с его вступлением в игру принстонцы воспрянули духом и совершенно преобразились. Они вернулись к старой, разработанной Крайслером схеме, с муравьем в качестве лидера атак, – той самой схеме, что принесла им череду блестящих побед на протяжении сезона. А пока Мураш совершал стремительные рывки, делал перехваты, отпасовывал, принимал мяч и пробивался с ним в зону про-

тивника, сотни маленьких муравьев, невидимых в траве, отслеживали игроков гарвардской команды и по сигналу в начале каждой схватки впивались в них с такой яростью, что те и думать забывали об атакующих действиях. (Иные даже умудрялись проникнуть под нижнее белье спортсменов, таким образом дав начало крылатой фразе, которую я не буду здесь цитировать из чувства деликатности.)

Капитан Сэлтонвиль – чье лицо распухло от муравьиных укусов, а глаза заплыли так, что он почти ничего не видел, – проклинал собственное великодушие. Однако он был еще в состоянии разглядеть стремительно менявшийся счет на табло – 6:65, 25:65, 55:65, 64:65, – и вот уже принстонцы вышли вперед. Тогда гарвардский капитан решился на крайнюю меру: он сломает этого Мураша, он пойдет наперекор славным семейным традициям и сыграет грязно.

Когда прозвучал свисток, он ринулся в самую гущу схватки.

– Бац! – исподтишка врезался его кулак в противника. – Бац! Бам! Бац!

Он продолжал сгоряча наносить удары, но чутье уже подсказывало, что дела его плохи.

В следующие мгновения толпе болельщиков предстало незабываемое зрелище. Из кучи игроков вдруг выскочил капитан Сэлтонвиль и со всех ног пустился наутек, а за ним, яростно сверкая глазами-бусинками, бежал муравей. Гарвардец промчался мимо своих ворот, оглянулся, испустил

ужасный вопль и, перепрыгнув через ограждение, поскакал вверх по ступенькам трибуны; муравей неотступно его преследовал.

Замерев от ужаса, толпа наблюдала за тем, как Сэлтонвиль приближается к верхнему краю трибуны, откуда он мог спастись, лишь прыгнув с пятидесятифутовой высоты.

Капитан достиг репортерской ложи на самом верху и остановился, бледный как смерть. А муравей подбирался все ближе, задержавшись лишь ненадолго, чтобы расшвырять в стороны попытавшихся преградить ему путь гарвардских болельщиков.

И тут в события вмешался еще один неизвестный мне по имени герой: находчивый молодой комментатор.

– Если вы прямо сейчас сделаете нужное заявление для прессы, это может его утихомирить, – сказал он.

– Все, что угодно! – вскричал Сэлтонвиль.

И репортер начал вполголоса диктовать «нужные слова», которые Сэлтонвиль послушно повторял в микрофон, хотя кровь его кипела от стыда и бессильной ярости.

– Эта букаш... то есть мой уважаемый оппонент... превосходит меня мастерством, отвагой и силой духа... – Оппонент меж тем приближался, и гарвардец заговорил быстрее: – Это истинный джентльмен и образцовый спортсмен. Я горжусь тем, что встретился с ним на поле, даже несмотря на наше поражение.

Муравей услышал его слова и остановился. Сладкая лесть

явно ослабила его боевой настрой.

Комментатор задал в микрофон уточняющий вопрос:

– Вы действительно так считаете, капитан Сэлтонвиль?

– Разумеется, – промямлил достойный сын Гарварда. –

Именно затем я и спешил в репортерскую ложу. Мне не терпелось сообщить об этом всем.

Такова правдивая история о муравьях в Принстоне. И достоинств их отнюдь не умаляет тот факт, что в начале следующей весенней сессии муравьев-студентов признали «досадной помехой» и подчистую вытравили из Принстона.

Приказ о «зачистке» университета, само собой, не распространялся на Мураша. При желании вы можете повидать его и сейчас, ибо он пошел по научной стезе, специализируясь на перспективах прогресса своего муравьиного племени. В настоящее время он занимает должность профессора инсектологии в Йельском университете и по совместительству тренирует тамошнюю футбольную команду. А капитана Сэлтонвиля до сих пор помнят как одного из самых быстрых игроков, когда-либо выходивших на поле в красной форме Гарварда.

«Я не был на войне»³⁵

Я окончил колледж в шестнадцатом, так что ныне мы отмечали двадцатую годовщину выпуска. Мы привыкли называть себя «военными детьми», поскольку проклятая бойня так или иначе затронула каждого из нас, а на этой встрече о войне говорили больше обычного, возможно, потому, что в мире вновь запахло порохом.

На ту же военную тему мы втроем беседовали в задней комнате Питовского бара вечером после официальной церемонии, когда там объявился еще один из наших. На параде выпускников он был с нами в колонне, но, поскольку он покинул университет досрочно и за двадцать лет ни разу не появлялся на горизонте, мы едва узнали его в лицо и с трудом припомнили имя.

– Привет, э-э-э... Хиб! – сказал я с заминкой.

Остальные подхватили мое приветствие, после чего мы заказали еще пива и продолжили разговор.

– Когда днем возлагали венок, вышло очень даже трогательно, – сказал один из моих приятелей, вспоминая о бронзовой мемориальной доске с именами погибших выпускников. – Прочесть имена Эйба Данцера, Поупа Макгоуэна и других наших ребят и представить, что их нет вот уже двадцать лет, а мы всего-навсего постарели...

³⁵ «Я не был на войне». – Рассказ опубликован в октябре 1936 г.

– Если мне вернут молодость, я за это готов снова пройти через войну, – сказал я и повернулся к новоприбывшему. – А ты побывал на фронте, Хиб?

– Я служил в армии, но на войне не был.

Под пиво и военные воспоминания проходили час за часом. Каждый из нас поведал какую-нибудь историю – забавную, необычную или страшную, – и только Хиб отмалчивался. Наконец, когда наступила пауза, он сказал, словно извиняясь:

– Я тоже успел бы повоевать, если бы меня не обвинили в избиении одного мальчишки.

Мы уставились на него вопросительно.

– Да я его и пальцем не тронул, – сказал Хиб, – однако скандал вышел изрядный.

Он замолчал, но мы попросили продолжить, поскольку сами уже наговорились досыта и были не прочь послушать нового рассказчика.

– Да тут и рассказывать особо нечего. Парнишка приехал в город с отцом, и там на улице его якобы ударил какой-то офицер с голубой повязкой военной полиции, а при опознании он указал на меня! Через месяц они выяснили, что малец-то с придурью и постоянно жалуется на побои со стороны солдат, так что меня освободили. Я вспомнил об этом случае, когда прочел на доске имя Эйба Данцера. Во время расследования я пару недель просидел в Ливенворте³⁶, а его

³⁶ *Ливенорт* – военная тюрьма строгого режима в штате Канзас.

тогда держали в соседней камере.

– Эйба Данцера?!

Мы трое воскликнули одновременно – еще бы, Эйб Данцер считался красой и гордостью нашего курса.

– Да его же представили к ордену!

– Я знаю.

– И какого черта Эйб Данцер делал в Ливенворте?

И снова в голосе Хиббинга появились виноватые нотки.

– Так уж вышло, что как раз я его и арестовал. Впрочем, он был не в обиде – служба есть служба. А когда я попал в соседнюю камеру, он даже шутил, вспоминая свой арест.

Теперь мы были по-настоящему заинтригованы.

– За что же ты его арестовал?

– В Канзас-Сити меня определили в военную полицию, и чуть ли не первым моим заданием стало взять наряд с прикнутыми штыками и явиться в такой-то номер большого отеля – не помню его названия. Мы прибыли, я стучу в дверь, захожу, а там генералов и полковников – не протолкнуться. Аж в глазах рябит от звезд на погонах, никогда не видел столько сразу. А в центре комнаты стоят Эйб Данцер и какая-то девица – явно шлюха, – пьяные вдрабадан. Я был так ошарашен, что лишь через минуту заметил еще одну странность: девица была в мундире и фуражке Эйба, а он натянул ее платье и шляпку. В таком виде мы отконвоировали их вниз, а из отеля прямоком доставили к командиру дивизии.

Мы слушали этот рассказ сперва с сомнением, потом оза-

даченно, но под конец все же поверили и рассмеялись. Правда, смех у нас вышел какой-то вялый и быстро угас, после чего мы лишь смотрели на Хиббинга с глуповатыми ухмылками, поневоле представляя самих себя на месте Эйба.

– Он тебя узнал? – спросил я.

– В этом я не уверен.

– А что было дальше?

– Дальше все было просто и быстро. Мы поменяли на них одежду, сунули обоим головой под холодный душ, а потом я поставил их между двумя рядами конвойных и командовал: «Вперед шагом марш!»

– И отвел старину Эйба в тюрьму! – вскричали мы. – Ты, должно быть, препаршиво себя чувствовал.

– Не то слово. Судя по лицу командира дивизии, дело пахло расстрелом. И когда через пару месяцев меня самого засадили в Ливенворт, я был рад обнаружить, что он все еще жив.

– Ничего не понимаю, – сказал Джо Бун. – В колледже Эйб вообще не пил.

– Он пристрастился к этому делу после истории с орде- ном, – сказал Хиббинг.

– Ты и эту историю знаешь?

– Конечно. Я ведь служил в той же дивизии, мы с ним из одного штата.

– Но ты же сам сказал, что не был на войне.

– Верно. И Эйб туда не добрался. Однако он побывал в

кое-каких переделках. Понятно, их не сравнить с тем, чего вы навидались за океаном, но все же...

– Тогда за что его представили к ордену? – прервал я рассказчика. – И как это связано с его пьянством?

– Все из-за тех утопленников – они все время снились ему по ночам, нервы стали ни к черту, тут немудрено и запить...

– Какие еще утопленники? Черт возьми, старик, ты нас с ума сведешь! Это как в песенке про прекрасную маркизу.

– Правда, многие считали, что те утопленники вовсе не на его совести, а все случилось из-за миномета.

Мы застонали – но что с ним поделаешь? Пусть уж рассказывает как может.

– О каком миномете речь? – уточнил я со стоическим спокойствием.

– Я о миномете Стокса. Такой обрезок трубы на опорной плите под углом в сорок пять градусов, помните? Заряжался с дульной части.

Мы помнили.

– В тот день Эйб командовал так называемым четвертым батальоном, который совершал марш-бросок до стрельбища, в пятнадцати милях от лагеря. По сути, это был не настоящий батальон, собрали его с бору по сосенке: пулеметная рота, рота снабжения, полевой госпиталь и штабная рота. Штабникам были приданы минометы, противотанковая пушка, связисты, оркестр и конные ординарцы – словом, тот еще бродячий цирк. Вообще-то, Эйб был командиром штаб-

ной роты в чине первого лейтенанта, но почти всех офицеров снабжения и медслужбы направили в авангард, и к нему, как старшему по званию, перешло командование остальными частями. Наверняка он гордился собой – шутка сказать, в двадцать один год командовать батальоном! Он ехал верхом во главе колонны и, должно быть, воображал себя новым Джексоном Каменная Стена...³⁷ Вам еще не наскучил мой рассказ? Дело-то было далеко от фронта, по эту сторону океана.

– Валяй дальше.

– Маневры проходили в Джорджии, где полным-полно мутных речушек и переправ со старинными паромками на тросах. На таком пароме можно зараз перевезти сотню человек, если напихать их туда поплотнее. Когда около полудня Эйбов «батальон» добрался до реки, оказалось, что шедший впереди третий батальон не переправился еще и наполовину. Судя по скорости, с которой ползал туда-сюда паром, Эйб прикинул, что на переправу оставшихся уйдет не менее часа, и отвел своих людей чуть ниже по течению, где можно было перекусить в тени. Там их отыскал верховой офицер, весь в пыли, назвавшийся капитаном Брауном и спросивший, кто здесь командир штабной роты.

«Я, сэр», – сказал Эйб.

³⁷ *Джексон Каменная Стена* – прозвище Томаса Джонатана Джексона (1824–1863), генерала армии южан, которое он получил за стойкость, проявленную его бригадой в первом же крупном сражении Гражданской войны.

«Отлично. Я прибыл из лагеря, чтобы принять командование ротой, – сказал офицер и продолжил таким тоном, будто обвинял Эйба. – Пришлось нестись во весь опор, чтобы вас догнать. Где моя рота?»

«Перед вами, сэр. Там подальше снабженцы, а за ними госпиталь. Я как раз собирался дать команду к принятию пищи...»

Капитан так взглянул на Эйба, что тот осекся. Сразу стало ясно, что новый командир не позволит людям обедать – просто затем, чтобы показать свою власть. И отдохнуть он им не позволил тоже, заявив, что намерен сейчас же осмотреть вверенную ему часть (прежде он видел штабные роты разве что на бумаге). Довольно долго он раздумывал и наконец решил провести учебные стрельбы минометного взвода по противоположному берегу. Эйб заметил, что у них есть только боевые заряды; в ответ капитан вновь окинул его свирепым взглядом, но потом все же согласился послать на другой берег пару сигнальщиков на тот случай, если какой-нибудь фермер окажется в зоне обстрела. Сигнальщики переправились через реку на лодке, просемафорили флажками, что берег чист, и тут же кинулись в укрытие, поскольку миномет Стокса – далеко не самое точное оружие на свете. Дальше пошла потеха.

Мины были снабжены дистанционными взрывателями, а река оказалась шире, чем на глазок прикинул наводчик, так что первый выстрел получился с недолетом, и все ограничи-

лось небольшим симпатичным гейзером после подводного взрыва. Зато вторая мина угодила в берег и рванула так громко, что две лошади на пароме, находившемся посреди реки в каких-то пятидесяти ярдах, прынули от испуга. Эйб понадеялся, что это умерит пыл его величества капитана, однако тот лишь заметил, что лошадей давно пора приучать к звукам канонады, и приказал продолжать огонь. В тот момент он походил на избалованного ребенка, получившего возможность безнаказанно пугать хлопушкой всех, кого ни попадя.

Затем случилось то, что время от времени случается с этими «стоксами»: мину заклинило в стволе. «В укрытие!» – завопила сразу дюжина голосов, и все кинулись врассыпную. Я тоже отбежал как можно дальше и распластался на земле, а этот чертов дурень Эйб вдруг подскочил к миномету, перевернул его и вытряхнул снаряд. Взрыватель был на замедлении в пять секунд, и только эти секунды отделяли Эйба от вечности. Миномет он спас, но каким образом успел сам спастись от взрыва, для меня загадка.

На этом месте я прервал рассказ Хиббинга:

– Постой, ты вроде говорил, что там были погибшие?

– Верно, были – но это случилось позже. К тому времени третий батальон наконец переправился, и капитан Браун приказал нам поротно выдвигаться к парому. Младший лейтенант, отвечавший за переправу, сказал ему: «Старое корыто едва держится на плаву, его гоняли туда-сюда весь день, так что не советую его перегружать».

Но капитан пропустил эти слова мимо ушей, и с каждой партией там набивалось людей что сельдей в бочке. Всякий раз перед отплытием парома Эйб вставал на перила пристани и кричал солдатам: «Расстегнуть ремни! Держать ранец на одном плече!» При этом он избегал смотреть на капитана Брауна, зная, что тому не по нутру любые приказы, кроме его собственных. Однако младший лейтенант через какое-то время снова проявил беспокойство.

«Паром слишком низко сидит в воде, – сказал он. – Не нравится мне это. Когда вы затеяли стрельбу неподалеку, лошади стали метаться, люди шарахались в стороны, и от этого крепления корпуса расшатались».

«Обратитесь к капитану, – сказал ему Эйб. – Он все знает лучше всех».

Капитан стоял неподалеку и слышал их разговор.

«Это последняя партия, – сказал он. – Загружайтесь, и отставить разговоры!»

Последняя партия оказалась большой даже по меркам капитана Брауна. Эйб встал у борта, готовясь повторить свои приказания.

«Да они уже наизусть это выучили после стольких повторов!» – раздраженно буркнул капитан Браун.

«Но *эти* не слышали», – сказал Эйб и скомандовал ослабить ремни. Ближайшие солдаты так и сделали, а в дальних рядах не обратили внимания. Иных так сдавили в толпе, что им уже было не до чьих-то команд.

Тонуть мы начали на самой середине реки, сперва еле заметно – вода лишь замочила ботинки, – и офицеры ничего не сказали во избежание паники. При взгляде с берега река казалась небольшой, но, когда мы очутились посреди нее, продвигаясь вперед с черепашьей скоростью, она вдруг представилась нам самой широкой рекой в мире.

Через пару минут вода в дряхлой посудине поднялась на ярд, и было уже глупо делать вид, что все идет как надо. Капитан же будто язык проглотил. Эйб взобрался на фальш-борт и прокричал, чтобы все сохраняли спокойствие и не раскачивали паром, и тогда мы дотянем до берега, а затем повторил распоряжение насчет ранцев и приказал всем умеющим плавать выпрыгивать за борт и плыть к берегу, когда вода дойдет до пояса. Люди его послушались, и паники не возникло, хотя по их лицам сразу было видно, кто умеет плавать, а кто нет.

Паром окончательно затонул в двадцати ярдах от берега, напоследок издав гулкий хлюпающий звук и ткнувшись носом в илистое дно на глубине пяти футов. Последующие пятнадцать минут слабо отложились у меня в памяти. Я ушел под воду с головой, затем вынырнул и отплыл на несколько ярдов в сторону, чтобы оглядеться. Вода сплошь покрылась барахтающейся массой цвета хаки, издававшей монотонный гул, который в действительности состоял из проклятий, испуганных воплей, а также шуточек и даже смеха. Я помогал тонущим добраться до мелководья, но в армейских ботинках

быстро не поплаваешь...

Капитан Браун и Эйб снова встретились лишь тогда, когда на поверхности реки уже не виднелось ничего, кроме угла парома, упрямо не желавшего полностью уходить под воду. Капитан имел жалкий вид, его била дрожь, а от бывшего высокомерия не осталось и следа.

«Боже правый! – стонал он. – Что же мне теперь делать?»

Эйб снова взял командование на себя. Он построил солдат по отделениям и начал переключку, выясняя, все ли на месте. Уже в первом отделении отсутствовали трое, и тогда, не теряя времени на дальнейший расчет, Эйб приказал двадцати лучшим пловцам раздеться и приступить к поискам утонувших. Как только они вытаскивали на берег очередного солдата, за него брались медики. Всего мы нашли двадцать семь человек, семерых из которых удалось откачать. При этом сгинул один из ныряльщиков – тело обнаружилось на следующий день ниже по течению реки. Его посмертно наградили медалью, а вдове назначили пенсию...

Тут Хиббинг умолк, а после паузы произнес:

– Я понимаю, это все пустяки в сравнении с тем, что вы пережили на фронте.

– По мне, так вовсе не пустяки, – сказал Джо Бун. – Во Франции я бывал под огнем, но большую часть службы провел, охраняя пленных в Бресте³⁸.

³⁸ ...охраняя пленных в Бресте. – Во время Первой мировой войны этот портовый город на западе Франции служил перевалочным пунктом для немецких

– А дальше что было? – спросил я. – Почему Эйб съехал с катушек?

– Это все из-за капитана, – медленно произнес Хиббинг. – Два старших офицера представили Эйба к награде за спасение миномета и людей, но капитану Брауну это не понравилось, и он стал всюду рассказывать, что, когда Эйб вскочил на фальшборт, отдавая команды, он ухватился за паромный трос и заклинил его в гнезде. Капитан даже нашел пару свидетелей, подтвердивших его слова, хотя большинство считало, что крушение случилось из-за перегрузки парома и повреждений, которые нанесли напуганные взрывами лошади. Как бы то ни было, с той поры отношение к Эйбу в армии изменилось к худшему.

В этот момент к нам вошел Пит собственной персоной и заявил категорическим тоном:

– Мистер Томлинсон и мистер Бун, ваши супруги просили передать, что это их последний звонок. Они сказали, что такие «особые случаи» повторяются слишком уж часто и что, если вы через десять минут не вернетесь в гостиницу, они уедут в Филадельфию без вас.

Томми и Джо Бун неохотно поднялись из-за стола.

– Простите, что отнял у вас столько времени своей болтовней, – сказал Хиббинг. – Вы-то побывали на войне, и не мне вам рассказывать истории.

Они отправились к своим женам, а я, задержавшись, еще

раз спросил Хиба:

– Выходит, Эйб не был убит во Франции?

– Нет... Кстати, и на доске той ни слова о фронте, просто «погибли при исполнении...».

– Тогда как же он умер?

Хиббинг помедлил, прежде чем ответить.

– Его убил охранник при попытке к бегству из Ливенворта. Он должен был отсидеть десять лет.

– Бог ты мой! А ведь в колледже он был отличным парнем!

– Это только для близких друзей. А вообще он был жуткий сноб, разве нет?

– Ну, может, в некоторых случаях.

– К примеру, в армии он даже не хотел узнавать своих однокашников.

– Ты о чем это?

– Да все о том же. Сегодня я вам приврал насчет одной вещи. Того капитана звали не Браун.

– То есть?.. – озадачился я.

– Капитана звали Хиббинг, – сказал он. – Это я был тем капитаном. Когда я догнал их, чтобы принять роту, он держался так, будто со мной не знаком. Вот что выбило меня из колеи – ведь я всегда любил наш старый колледж... Ну ладно, спокойной ночи.

«Дай мне шанс, тренер»³⁹

Место действия: коттедж в летнем лагере, комната для собраний. Над камином висят скрещенные весла, на каминной полке расставлены призовые кубки, посреди комнаты – большой, грубо сработанный стол и несколько таких же простых стульев, у дальней стены – классная доска. Тщедушный мальчишка в купальном костюме пишет на доске слово крупными кривыми буквами. Это слово: «Уидудл».

Одновременно с поднятием занавеса в комнату входит мальчик лет тринадцати, очень крупный для своего возраста, также в купальном костюме. Он окликает первого, и тот, схватив тряпку, начинает торопливо стирать надпись.

Кассиус (*толстяк*). Что значит «Уидудл»?

Багс (*заметно смутившись*). Уидудл? Так называется лагерь, в который скоро поедет моя сестра.

Кассиус. Классный лагерь, должно быть... А где Старик?

Багс. Я писал «Уидудл» просто так – мелок под руку повернулся. Я вспомнил, что должен ей срочно написать, потому что утром получил письмо, в котором сказано, что, если я срочно ей не напишу, не видать мне в этот раз четвертака на карманные расходы.

³⁹ «Дай мне шанс, тренер». – Миниатюра опубликована в ноябре 1936 г.

Кассиус. Старик не появлялся?

Багс. Я его не видел. Скажи, ты выучил свои слова? Я свои выучил.

Кассиус. Я еще не доучил, да только спектакль все равно отменяют, как пить дать.

Багс. Это почему же?

Кассиус. Потому что Биллова папашу притянули к суду, и ребята в нашей палатке говорят, что Билла почти наверняка попрут из лагеря.

Багс. А в чем обвинили его отца?

Кассиус. У меня есть только половина статьи, а где другая часть, не знаю. *(Он достает из кармана газетный клочок, разворачивает его и читает.)* «Оправдание Сайруса К. Уотчмена...» – так зовут Биллова папашу – «...оправдание было... оно было... было...»

Багс. Так что же с ним было?

Кассиус *(парень туповатый и заторможенный)*. Короче, натворил делов его папаша.

Багс. Ну, если он натворил делов, Билла точно попрут, потому как Старик нынче здорово не в духе, и если кто из нас проштрафится, он может всех выместить отсюда одним махом. Хорошо, что я сегодня утром прибрался в своей палатке.

Входит Генри Грейди.

Генри. А где Старик?

Кассиус. Пока что не появлялся. Я зашел сюда и увидел, как Багс пишет на доске «Скедадл» – это какой-то лагерь,

куда поедет его сестра. Ничего себе названьице, а?

Багс (*негодующе*). Не Скедадл, а Уидудл!

Кассиус. Какая разница? Скедадл, Уидудл, Скедадл, Уидудл...

Багс. Скедадл не имеет смысла.

Кассиус. Можно подумать, в Уидудле смысла целая куча.

Багс. Само собой. Это ж название лагеря. А какой тогда смысл в названии нашего лагеря – Рахевава?

Кассиус. Сравнил тоже! Рахевава – это классный лагерь.

Багс. Скедадл тоже, то есть Уидудл.

Входит Билл Уотчмен, бодрый и веселый, – он как будто еще не в курсе, что его родителю перемывает косточки местная пресса.

Билл. Вот вы где! Отлично. Давайте репетировать. Я только что встретил Старика, и он сказал, чтобы мы поторапливались. Все выучили свои роли?

Багс. У меня всего-то две фразы. Мне особенно нравится вот эта: (*выпаливает одним духом*) «Мистер Дженкинс передает, что команда настроена по-боевому, доктор».

Билл. Старик сказал, чтобы мы прошлись по всему тексту.

В комнату заглядывает симпатичный молодой человек лет двадцати.

Рикки (*молодой человек*). Давайте-ка за дело, ребята. Пора уже вам обходиться без подгонял и нянек. Как насчет того, чтобы самостоятельно отрепетировать эту пьесу и дове-

сти ее до ума?

Мальчики дружно вскакивают с мест.

Мальчики (*в один голос*). Сделаем, мистер Рикки!

Однако с его исчезновением энтузиазм быстро идет на убыль.

Генри. Когда отец привез меня сюда, он сказал: «Не знаю, как ваш главный, но если все инструкторы тут похожи на этого парня, тебя ждет отличный отдых».

Кассиус. Парень он классный, это да!

Багс (*стоя у доски*). И жена Старика тоже так думает, наверно.

Багс рисует на доске большое сердце и тут же его стирает, а Кассиус между тем достает из кармана истрепанный и распавшийся надвое листок с текстом, разобрать который ему стоит больших усилий.

Генри. Что ж, приступим.

Ребята сдвигают в сторону стол, за ним усаживается Кассиус и принимает задумчивый вид.

(*Роясь в карманах.*) Черт, я где-то посеял свою роль.

Билл. Ты должен давно знать ее наизусть.

Багс. А у меня даже и не роль, а всего две фразы. Одна из них такая: «Мистер Дженкинс передает, что команда настроена...»

Генри. Заткнись, Багс! Пойдем по порядку. Начинай, Кассиус.

Генри занимает позицию на углу стола, затем перебегает к другому углу, но в конце концов возвращается на прежнее место.

Кассиус. Я готов.

Генри. Ну так начинай, твоя реплика первая.

Кассиус (*читает по бумажке*). «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший враг...»

Генри. Нет, это будет позже. Смотри на другом клочке.

Кассиус. Ага, нашел, тут с обратной стороны письмо домой, которое я начал вчера, но не дописал. (*Откашливается.*) «Значит, по-вашему, тренер, нам не выиграть этот матч без Плэйфера?»

Генри. «На нем держится вся игра, доктор Макдугалл. Он лучший питчер в команде, а его скоростная подача — это нечто, скажу я вам! И еще он отлично отбивает. Если мы хотим одолеть Сент-Беррис, этот парень нужен нам позарез».

Багс. А теперь я...

Билл. Заткнись, Багс! Продолжай, Кассиус.

Кассиус (*перебирая бумажки*). «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший...» Нет, это не то, мы же хотели с начала. «Значит, по-вашему, тренер, нам не выиграть этот матч без Плэйфера». Ну, в общем, смысл такой же.

Генри. Теперь моя реплика? Дай-ка вспомню... «Доктор Макдугалл, по дороге сюда я заглянул на почту, и они попросили передать вам это письмо».

Кассиус поправляет на носу воображаемые очки,

разворачивает воображаемое письмо и читает.

Кассиус (*читает*). «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший враг...» Нет, я не могу делать вид, что читаю письмо, если мне не дали никакого письма. Каждый раз сбиваюсь на другой текст.

Билл. Вот тебе письмо. Притворись, что оно то самое... (*Отдает письмо Кассиусу.*) Знаете, это здорово, что мы вот так сами репетируем пьесу, просто потому, что это нужно, и никто нас не заставляет. Вы согласны, что это здорово?

Входит Старик, бывший спортсмен лет шестидесяти, и вслед за ним молодой Рикки – обаятельный красавчик-блондин, похожий одновременно на всех пляжных спасателей в мире. Рикки только что не светится от переизбытка энергии. Войдя, он ни с того ни с сего выполняет пару резких разминочных движений, а затем начинает подталкивать к двери Билла и Генри.

Старик. Думаю, сейчас не лучшее время для репетиций, ребята. Отложим это дело на потом.

Билл. То есть сегодня репетиции не будет?

Рикки. Не гони коней. (*Поворачивается к Старику.*) Может, пройдем в мою комнату?

Старик. Не стоит. Извините, ребята, что пришлось вас прервать. Что за пьеску вы тут разыгрывали?

Генри. Ну и хорошо, что репетиции не будет, – и без того сегодня еще плавание, потом у двоих из нас каноэ, а у двоих...

Старик. Только вы не бросайте совсем это дело. Я хочу, чтобы вы разыграли пьеску на родительском дне в следующий понедельник, – это пойдет на пользу репутации лагеря. Все помнят свои роли?

Багс (*от двери*). Я свою помню отлично. Только я вот что подумал: раз у меня всего-то пара реплик, может, мне нет резона торчать на репетиции, а лучше пойти плавать?

Старик. Пьеса рассчитана на четверых актеров, – стало быть, на репетиции должны быть все четверо. Учись терпению, Тревеллион. А сейчас вы можете идти на плавание, кроме тебя, Билл, – ты пока подожди за дверью.

Мальчики покидают комнату, в которой остаются только двое мужчин.

Ты, похоже, возомнил себя незаменимым для команды?

Рикки. Я свое дело знаю – уже все лицо в отметилах после игровых стычек. И я отрабатываю по полной на любой позиции в нападении и в защите. Мой отец недурно разбирается в футболе, и когда прошлой осенью я приезжал домой, он сказал, что игроки моего уровня зашибают по две, по пять, а то и по десять тысяч и что под вашим руководством я могу далеко пойти, – а к чему я пришел?

Старик. Ты тренируешься и живешь на полном пансионе.

Рикки. Да, но какой от этого толк? Вы меня многому научили, согласен, однако я умел отдать точный пас на сорок пять ярдов и до того, как познакомился с вами. Дайте мне мяч, и я покажу прямо сейчас!

Старик (*терпеливо*). В начале сезона я приму команду колледжа, и ты пойдешь туда со мной. Я думал, мы обо всем договорились.

Рикки. Конечно, я готов пойти с вами. Как и одиннадцать других ребят, учившихся играть в обычной школе. (*Презрительно сплевывает.*) Я знаю, кто что имеет. Знаю, что имеет Лоусон. Знаю, что имеет Кэтхарт. Они кругом чистенькие, все у них шито-крыто, им можно ночами развлекаться с девочками из университетских клубов. Так оно и есть, я это знаю точно. Они ходят задрав носы, и сам черт им не брат. И не надо снова начинать про то, как вы играли в Мичигане, — или вы думаете, я мечтаю так же ходить с расквашенным носом три дня в неделю, с воскресенья по вторник?

Старик. Прекрати ныть!

Рикки. Ну да, все как всегда: прекрати ныть и подавай крутой пример этим соплякам...

Старик. Я понимаю, что футбол изменился с тех времен, когда я выходил на поле. Я тогда не знал, что такое страх.

Рикки. А я и сейчас не знаю, что такое страх. Я умею чувствовать игру. Моя задача — ворваться в самую гущу схватки и не оставить противнику ни единого шанса.

Старик. Вот поэтому из тебя может выйти великий игрок. Мы ведь с самого начала обо всем договорились, нет так ли?

Рикки. Договорились, черт возьми!

Старик. Не ори так громко. Ты отлично знаешь, что я хотел с тобой обсудить. Оставь в покое мою жену, она еще

очень молода и сама не понимает, что делает.

Рикки. Тогда зачем вы на ней женились? А если я вам не нужен, так и скажите, я готов уйти. Попробую устроиться в команду Темпла⁴⁰.

Старик (*серьезно*). Давай-ка успокоимся и подадим этим ребятам достойный пример. (*Поворачивается к двери.*) Эй, вы, там! Заходите и продолжайте свою репетицию. С того места, где остановились.

Мальчики входят в комнату.

Кассиус. Я все так же могу пользоваться твоим письмом, Билл?

Билл. Конечно.

Кассиус. Тогда продолжим.

Мальчики становятся на прежние места. Старик кивает Рикки, который в ответ весьма нахально подмигивает. Оба удаляются.

(*Читает письмо.*) «Дорогой мистер Макдугалл, мы узнали, что ваш ведущий игрок, Дик Плэйфер, этим летом выступал за профессиональный клуб и потому, согласно правилам, он не может быть допущен к сегодняшней игре. Искренне Ваш, Хайрам Джонс, ректор колледжа Сент-Беррис».

Генри (*все больше входя в роль*). «Ужасная новость, доктор! Это значит, что у нас нет ни единого шанса. С таким

⁴⁰ ...устроиться в команду Темпла. – То есть в футбольную команду Темпль-ского университета в Филадельфии.

же успехом можно вообще отказаться от игры, и пусть нам засчитают „баранку“. Но какие у них доказательства?»

Кассиус. «Он приводит много доказательств...» (*Перебирает бумажки.*) «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший враг...» Нет, минутку, это должно быть на обратной стороне. «И эти доказательства весьма убедительны».

Генри. «Мне не так жалко потерять всех остальных игроков, как этого одного. Когда он впервые попросил дать ему шанс и я выпустил его на поле, игра сразу пошла по-другому. Он равно хорош и в нападении, и в защите, а между базами носится прямо пулей. В жизни такого не видел, хотя мне случалось тренировать многие команды...»

Кассиус. «Оставьте меня, я хочу все обдумать. И пришлите сюда Плэйфера». Теперь я вроде как должен расхаживать туда-сюда. «Доброе имя колледжа значит для меня больше, чем спортивные успехи наших команд». (*Вглядывается в текст.*) «Погодите минутку». Значит, ты все еще должен быть здесь.

Генри. Я сам знаю, где мне быть. А вот ты должен расхаживать туда-сюда. Почему ты не расхаживаешь туда-сюда?

Кассиус. «Может, все же дадите мне шанс?» Похоже, это слова Багса.

Багс (*поворачиваясь от доски*). Я ничего не должен говорить, покада не уйдет Дженкинс.

Кассиус. Но эти слова всяко не мои, больше смахивают на Багса. (*Вертит бумажки так и этак.*) «Будем играть тем

составом, какой сможем выставить, и хотя мы вряд ли выстоим против их состава, нам это никто не поставит в вину...» Уффф! (*Переводит дух и на миг отрывает взгляд от бумажки.*) «Полагаю, эту игру нам не выиграть».

Дверь приоткрывается, и в проеме возникает голова Старика.

Старик. Отлично, ребята, приятно видеть, как вы сами разыгрываете пьеску. Вот прослежу за отплытием каноэ и приду к вам.

Голова исчезает.

Генри. Давайте на этом закруглимся. Подождем, пока Кассиус выучит свою роль.

Багс. Может, все-таки дойдем до моей реплики?

Билл. Дай сюда мое письмо. Оно от отца, я еще толком не успел прочесть, а ты уже вон как его замусолил.

Кассиус (*отдавая ему письмо и вместе с ним протягивая газетную вырезку*). Думаю, тебе стоит это прочесть, Билл. Тут пишут о твоём отце. (*Читает.*) «Мистер Уотчмен во время судебного заседания выглядел очень подавленным, хотя по ходу процесса становилось все более очевидным, что его оправдают. Казалось, он потерял всякий интерес к происходящему...»

Багс вывел на доске две первые буквы слова «Уидудл». Билл в замешательстве глядит на письмо в своей руке.

Билл. Я-то думал, папа уезжает в дальнюю поездку – может, в Европу или еще куда. А это письмо – его как будто ненормальный писал.

Генри. Ну так что, еще немного порепетируем?

Билл (*рассеянно*). Можно и порепетировать. (*С письмом в руке отходит к другому краю сцены и читает вполголоса.*) «Прощай, прощай, прощай. Когда-нибудь, когда ты станешь взрослым, ты простишь меня за все».

Кассиус. Ты чего там бормочешь?

Билл. Ничего. (*Убирает письмо в карман.*) Ладно, давайте репетировать.

Кассиус возвращается на свое место за столом.

Кассиус. Я готов.

Генри. «Что ж, сыграем, как сможем. Скажу парням, чтобы готовили мячи и биты».

Кассиус. «Ступайте и не забудьте прислать сюда Плэйфера. Хочу перемолвиться с ним парой слов».

Генри покидает сцену, и его место тут же занимает Багс, сгорая от нетерпения.

Багс. «Мистер Дженкинс передает, что команда настроена по-боевому, доктор».

Кассиус (*озадаченно*). Или у меня пропущен этот кусок, или я вообще не должен отвечать на эту реплику.

Билл. Ах да, сейчас же мой выход! (*Настраивается.*) Итак, я появляюсь. «Доброе утро, доктор Макдугалл».

Кассиус. «Присаживайтесь, сэр. До меня дошли плохие известия».

Билл. «К сожалению, это правда».

Кассиус. «Как ты мог на такое пойти – выступать за профессионалов, когда ты являешься студентом Кресент-Рейнджа? Что, польстился на грязные деньги?»

Билл (*качая головой*). «Нет, сэр, это не из-за денег – даю руку на отсечение. Но я пока не готов сказать вам всю правду».

Кассиус (*вскакивая на ноги*). «Тогда вон отсюда немедленно!» (*Все остальные участники спектакля вздрагивают и с тревожными лицами спешат к двери, но быстро возвращаются, сообразив, что эта реплика является частью роли.*) «Тебя не следует допускать к другим студентам, потому что ты – разносчик заразы, от тебя исходит запах серный... запах верный...» (*Утыкается носом в текст, пытается разобрать слово.*) Что-то тут не то. «...потому что ты – разносчик заразы, от тебя исходит запах скверны... Ты успеешь собрать свои пожитки до отхода вечернего автобуса на Трою?⁴¹»

Билл. «Да, сэр».

Багс. Это недалеко от Уидудла.

Кассиус (*смотрит в бумажки*). У меня тут ни строчки ни

⁴¹ ...автобуса на Трою? – В США более тридцати поселений носят название Троя. В данном случае вряд ли имеется в виду какое-то из них конкретно, учитывая, что названия упоминаемых в тексте колледжей и лагерей вымышлены.

про какой Уидудл.

Багс. Я так подумал потому, что лагерь моей сестры находится где-то в районе Трои.

Билл. А я думаю, раз уж наши родители заплатили деньги за то, чтобы мы были здесь, нам нужно пользоваться преимуществом каждого из преимуществ, которые мы имеем, пока мы здесь. Вот эта пьеса, например, может научить нас тому, как быть хорошими актерами в будущем, но даже если мы не хотим в будущем быть актерами, мы всегда сможем ими стать, если только захотим.

Генри. Мы будем продолжать или нет?

Кассиус (*читает*). «Ты был хорошим студентом, Плэйфер, и я сожалею, что вынужден пойти на такой шаг. Ты был примером для своих товарищей».

Генри. Как мистер Рикки для нас.

Кассиус (*смотрит в бумажки*). У меня тут нет ни словечка про мистера Рикки.

Генри. Ты такой же чокнутый, как Багс.

Кассиус. Не пойти ли нам искупаться?

Генри. Давно пора, я так думаю.

Билл. Нет, мы должны находиться здесь до возвращения Старика.

Кассиус. Ну не могу я читать письмо, при этом расхаживая туда-сюда. (*Тем не менее встает и начинает ходить туда-сюда, держа перед собой бумажки.*) Все, что мне запомнилось, так это слова из письма Биллова папаши. «Прощай,

прощай, прощай». Но их нельзя вставить в пьесу, так ведь?

Билл. По идее, дальше ты должен сказать что-то вроде: «Плэйфер, ты сам свой злейший враг».

Кассиус. «Плэйфер, ты сам свой злейший враг». *(Вздыхает с огромным облегчением.)*

Билл. «Доктор Макдугалл, вам известно далеко не все».

Багс. Погодите-погодите, вот теперь как раз вхожу я. *(Быстро делает круг по сцене и как бы появляется в дверях.)* «Мистер Кассиус передает, что команда...» То есть тьфу! «Мистер Дженкинс передает, что команда настроена по-боевому, доктор Макдугалл».

Билл. «Хорошо, так и быть, я вам расскажу. Я должен все рассказать. Неподалеку от моего родного дома находится горное селение, жители которого давно пытались собрать деньги на постройку школы, но им не хватало еще приличной суммы. А той команде срочно потребовался защитник. Я хотел играть за Кресент-Рейндж, но согласился на их предложение и так заработал деньги для школы, чтобы детишки учились читать и писать. Видно, я был не прав, признаю свою вину».

Багс. Теперь ты должен встать, Кассиус.

Кассиус. Не лезь со своими подсказками! Я знаю эту часть своей роли. «Так-так-так, это надо еще раз обдумать... Так-так-так, это надо еще раз обдумать».

Багс. А мне что делать, пока он обдумывает: оставаться или уйти?

Генри. Пиши что-нибудь на доске.

Кассиус. «Так-так-так, это надо еще раз обдумать... Так-так-так, это надо еще раз обдумать». Знаете, эта ходьба туда-сюда как-то странно действует на мозги. Ага, вот оно. «Плэйфер, ты сам свой злейший враг... Плэйфер, это надо еще раз обдумать».

Багс пишет на доске слово «Уидудл». Входит Старик.

Старик. Ребята, на сегодня репетиция закончена. Идите по своим делам. Я хочу поговорить наедине с Биллом Уотчменом.

Билл. Мы хорошо продвинулись, почти до самого финала.

Багс заканчивает писать на доске и направляется к выходу вслед за остальными.

Старик. Билл, я только что получил телеграмму с новостью, которая очень серьезно изменит твою жизнь. Соберись с духом, чтобы выслушать эту новость.

Билл. Это насчет прощания моего папы? Он прислал мне письмо со словами: «Прощай, прощай, прощай».

Старик. Да, он попрощался с тобой, отправляясь в очень далекое путешествие. Билл, ты уже достаточно взрослый, чтобы выслушать от меня то, что другие люди, возможно, сообщат тебе в более грубой форме. Твой отец умер.

Билл. Я знал, что он умер.

Старик. Как ты мог это знать, Билл?

Билл. Просто я чувствовал, что он умер. Не надо было мне

уезжать из дома этим летом.

Старик. Билл, твой отец покончил с собой.

Билл. Я не совсем понимаю. Как это – покончил с собой?

Старик. Я пока еще не знаю, как он это сделал. Конечно, ты можешь оставаться в лагере, сколько будет нужно, пока утрясаются всякие формальности.

Билл. Я не хочу возвращаться домой. Остаться бы здесь насовсем! Я думаю, мистер Рикки – самый чудесный человек на свете. Вот бы мне научиться нырять с трамплина, как он! Конечно, мне никогда не сделать два с половиной или хотя бы полтора оборота, как мистер Рикки. И еще я хочу быть похожим на вас. Но мистер Рикки – вот бы мне хоть разок побыть таким, как он!

Старик. Мистер Рикки – отличный спортсмен.

Билл. Это напоминает нашу пьесу. Сэр, можно мы дорепетируем ее до конца?

Старик. То есть прямо сейчас?

Билл (*взволнованно*). Да, прямо сейчас. Я не хочу думать об отце. Можно, мы продолжим репетировать, как будто ничего не случилось? И пожалуйста, не говорите об этом никому, ладно? Я не буду плакать. Я еще прошлой ночью понял, что мой папа умер.

Старик (*задумчиво*). Что ж, если ты так хочешь... (*Подходит к двери и обращается к кому-то снаружи.*) Эй, вы, там, пришлите сюда ребят, которые ставят пьесу, – Генри, Багса и Кассиуса. (*Возвращается к Биллу и обнимает его за плечи.*)

Тебе здесь нравится, верно, Билл? И мы были рады видеть тебя здесь каждое лето четыре года подряд. Но порой ты сам был себе злейшим врагом.

Билл. Вы не скажете остальным про папу?

Старик. Они поймут твои чувства. Никто тебе и слова плохого не скажет.

Входят Генри, Кассиус и Багс.

Мы решили не откладывать репетицию. Давайте с самого начала. Все готовы?

Кассиус занимает свое место за столом.

Кассиус. «Значит, по-вашему, тренер, нам не выиграть этот матч без Плэйфера?»

Генри. «На нем держится вся игра, доктор Макдугалл. Он лучший питчер в команде, а его скоростная подача — это нечто, скажу я вам! И еще он отлично отбивает. Если мы хотим одолеть Сент-Беррис, этот парень нужен нам позарез».

Багс. «Аут!»

Остальные смотрят на него в недоумении.

Генри. Что это значит?

Багс. Это и есть моя вторая реплика. Я должен это крикнуть, когда увижу из окна, что Плэйфер добежал до третьей базы.

Старик. Но этого еще не случилось.

Багс. А я не знаю, когда это случится, и потому решил крикнуть заранее.

Старик. Нет, Тревиллион, так не годится. Нельзя говорить о человеке так, будто он где-то там, если он все еще тут. Ну-ка, Генри, подойди к окну.

Генри. Да, сэр.

Старик. Погляди, мистер Рикки отплыл на каноэ с остальными?

Генри. Да, сэр, я почти уверен, что в одном из каноэ сидит мистер Рикки.

Старик (*облегченно вздохнув*). Хорошо. Тогда продолжим с пьесой. Мне кажется, Кассиус, ты мог бы сыграть свою роль более эффектно. Давайте еще раз с начала.

Кассиус. Хорошо, сэр. «Так что, Плэйфер, ты сам свой злейший враг».

Багс подходит к доске и очень маленькими буквами, с оглядкой, пишет слово «Уидудл». Билл отступает к другому краю сцены и садится верхом на стул, опустив голову на сложенные руки; плечи его слегка вздрагивают.

Старик. Нет-нет, неверно. Это должно выглядеть примерно так...

Он отстраняет Кассиуса, усаживается на его место за столом — и в этот момент падает занавес.

Трудный пациент⁴²

I

– От-дай-те... уф-ф-ф! Ну же, прошу вас, не напивайтесь снова! Отдайте бутылку. Я ведь обещала просидеть здесь до утра и выделять вам понемногу. Успокойтесь... Если вы такое вытворяете вне дома, страшно подумать, каким вы будете, когда вернетесь к себе. Ну же, отпустите – я оставлю для вас полбутылки на ночь... Пр-рошу вас... Вы же слышали, что сказал доктор Картер: изредка давать вам глоток-другой или сразу отдать бутылку, но только оставив в ней самую малость... Ну хватит уже... Я совсем выдохлась, сил нет бороться всю ночь напролет... Да черт с вами, упейтесь хоть до смерти!

– Может, выпьете пива за компанию? – предложил он.

– Не хочу я никакого пива. Как подумаю, что снова должна буду терпеть ваши пьяные выкрутасы... О боже!

– Потом я буду пить кока-колу.

Девушка присела на кровать, тяжело дыша.

– Ну хоть чем-то вас можно убедить? – спросила она.

– Вам это уж точно не под силу... Осторожнее, прольется ведь...

⁴² *Трудный пациент.* – Рассказ опубликован в феврале 1937 г.

«Зря только с ним вожусь, – подумала она. – Да и какое мне дело до его запоев?»

И вновь завязалась борьба; на сей раз он уступил и некоторое время сидел неподвижно, сжимая руками голову, но потом снова потянулся к выпивке.

– Еще раз дернетесь, и я ее разобью, – быстро сказала она. – Я это сделаю, не сомневайтесь – брошу на кафель в ванной.

– Но об осколки я могу порезать ноги... Или сами поранитесь.

– Тогда не хватайте ее... вы же обещали... Ах так?..

Внезапно она разжала пальцы, и бутылка выскользнула из ладоней, как торпеда, напоследок мелькнув красно-черной этикеткой с надписью «СЭР ГАЛАХАД. ОЧИЩЕННЫЙ ЛУИСВИЛЬСКИЙ ДЖИН»⁴³.

Теперь от нее остались лишь осколки на полу, и в комнате установилась тишина. Сиделка раскрыла «Унесенных вет-

⁴³ Внезапно она разжала пальцы, и бутылка выскользнула из ладоней, как торпеда, напоследок мелькнув красно-черной этикеткой с надписью «СЭР ГАЛАХАД. ОЧИЩЕННЫЙ ЛУИСВИЛЬСКИЙ ДЖИН». – В этом месте при переиздании рассказа в 1951 г. редактор дописал одну фразу, в которой бутылку разбивает сам пациент, перехватив ее на лету. Сделано это было для смыслового согласования с финалом, где написано «он разбил бутылку» (возможно, автор просто проглядел эту неточность при последней правке). В данном случае, следуя более позднему изданию, опущена добавленная редактором фраза, а в конце «он разбил» заменено на «она разбила». Такое действие вполне соответствует характеру героини как женщины решительной и принципиальной: пообещала разбить – и разбила.

ром» – о дивном мире, давно ушедшем в прошлое, – и по ходу чтения периодически поглядывала на пациента, опасаясь, как бы он и впрямь не порезался об осколки, если пойдет в туалет. Ужасно хотелось спать. В очередной раз оторвавшись от книги, она увидела, что он плачет, очень напоминая одного старого еврея, за которым она ухаживала в Калифорнии; тот бегал в туалет по многу раз за ночь. С этим пациентом хлопот было еще больше, однако она подумала: «Должно быть, чем-то он мне нравится, иначе давно бы уже попросила замену».

Внезапно выйдя из состояния полудремы, она встала и поставила один из стульев на пути в ванную комнату. В сон так сильно клонило еще и потому, что он разбудил ее рано утром, потребовав свежую газету с отчетом о вчерашнем матче между Йелем и Гарвардом, а потом в течение всего дня ей так и не удалось отлучиться к себе домой. После обеда к нему нагрянула родственница, и пришлось пережить этот визит в гостиничном холле, где гуляли сквозняки, а у нее не было свитера, чтобы надеть поверх форменного платья.

Пациент клевал носом, сидя за письменным столом, и она позаботилась о его удобстве, насколько это было возможно в такой позе: накинула плед на плечи, а другим пледом укрыла ноги. Затем села в кресло-качалку, однако сонливость уже прошла. Вспомнила, что нужно сделать записи в медицинской карте, и, стараясь двигаться бесшумно, отыскала на столе карандаш.

«Пульс – 120.

Частота дыхания – 25.

Температура – 36,6 – 36,9 – 36,8.

Замечания —

(тут можно было много чего написать)

Пытался завладеть бутылкой джина. Отобрала ее и разбила».

Чуть подумав, стерла последнюю фразу и написала так:

«При этом бутылка упала на пол и разбилась. В целом пациент очень трудный».

Хотела добавить: «Впредь ни за что не возьму алкоголика», но в отчете такое замечание выглядело бы неуместным. Она давно приучила себя просыпаться в нужное время, так что вполне можно было вздремнуть до семи утра и прибраться уже перед самым приходом его племянницы. Таковы правила игры, ничего не попишешь. Опустившись в кресло, она посмотрела на бледное, изможденное лицо пациента, потом еще раз проверила его дыхание и подумала: «Что же такое с ним случилось?» Днем он был весел и дружелюбен, даже забавы ради набросал для нее рассказик в картинках. Она непременно вставит этот подарок в рамку и повесит у себя в комнате. Затем вспомнились его худые кисти, которые она перехватывала во время борьбы; вспомнились гадости, которые он выкрикивал в исступлении; и еще вспомнилось, что накануне сказал ему доктор:

– Вы слишком хороший человек, чтобы вытворять с собой такое.

Она очень устала и решила отложить возню с битым стеклом на утро. Осталось только дожидаться, когда дыхание пациента станет ровным, и перетащить его на кровать. Но ожидание затягивалось, и тогда она приступила к уборке. Ползая на коленях по кафельному полу в поисках последних осколков, она думала: «Не такими вещами я должна заниматься. Да и он не должен так себя вести».

Поднявшись с коленей, раздраженно поглядела на спящего. Ноздри его тонкого красивого носа слегка раздувались, что сопровождалось тихим храпом и сопением, напоминавшим глухие безутешные всхлипы. Накануне перед уходом доктор как-то по-особенному покачал головой, и она сразу поняла, что в данном случае от ее стараний уже ничего не зависит. Между прочим, в ее учетной карточке, хранившейся в агентстве, по совету более опытных коллег изначально была сделана отметка: «С алкоголиками не работает».

Сейчас она сделала все как положено, а из прошедшего вечера в памяти засел лишь один эпизод, когда в разгар борьбы за бутылку он вдруг остановился, чтобы спросить, не ушибла ли она локоть о дверной косяк. В ответ она попыталась его уязвить:

– Если б вы знали, что говорят о вас люди, не так бы задирали нос... – и тут же поняла, что ему давным-давно на все это наплевать.

Наконец все осколки были собраны – осталось только пройтись по полу щеткой для верности, – и вдруг ей подумалось, что эта разбитая бутылка была слабым подобием окошка, сквозь которое они лишь мельком увидели друг друга. Он ничего не знал про ее сестер или про Билла Марко, за которого она чуть было не вышла замуж, а она ничего не знала о причинах его падения. На письменном столе она видела его фото вместе с молодой женой и двумя сыновьями – там он выглядел красивым и жизнерадостным, каким был всего лишь пять лет назад. «Бессмыслица какая-то, – подумала она, бинтуя порезанный стеклом палец. – Нет уж, хватит с меня – впредь никаких алкоголиков».

II

Какие-то дурные шутники отметили Хеллоуин, расколов боковые окна автобуса, – те покрылись сеткой трещин и в любой момент могли осыпаться внутрь; посему она перебралась в самый конец салона, на места для негров. У нее имелся чек от пациента, но в такой поздний час его негде было обналичить; после оплаты проезда в кошельке остались только четвертак и цент.

В приемной агентства миссис Хиксон она застала двух знакомых медсестер.

– Кто у тебя сейчас? – спросила одна из них.

– Алкоголик, – сказала она.

– Ах да, Грета Хоукс говорила – тебе достался тот карикатурист в отеле «Форест-парк».

– Он самый.

– Я слышала, он руки распускает.

– Со мной он вел себя прилично, – соврала она. – Если не обращаться с ними как с осужденными преступниками, то...

– Не сердись, я просто повторяю слухи, а болтают всякое про этих алкашей – будто они и под юбку сиделке залезть не прочь...

– Да замолчи ты! – воскликнула она, сама удивившись своей горячности.

Минуту спустя из кабинета вышла миссис Хиксон и, попросив остальных продолжать, жестом пригласила ее к себе.

– Обычно я не направляю молодых сиделок к подобным пациентам, – начала она. – Мне сообщили о вашем звонке из отеля.

– На самом деле все было не так уж плохо, миссис Хиксон. Просто он сам не понимал, что делает, но мне никакого вреда не причинил. Я больше волновалась за свою репутацию в агентстве. А вчера весь день он вел себя безупречно. Даже нарисовал для меня...

– Я не хотела посылать вас к этому пациенту, но так уж вышло, – сказала миссис Хиксон, перебирая учетные карточки. – Вы ведь работали с туберкулезниками? Ага, вот вижу, что работали. Тут как раз есть...

Их разговор прервала череда телефонных звонков, и си-

делка слышала, как миссис Хиксон отвечает кому-то быстро и четко:

– Сделаю что смогу, но решение в таких случаях принимает врач... Нет, это вне моей компетенции... Привет, Хэтти... Нет, сейчас никак не получится... Слушай, у тебя найдется кто-нибудь опытный для работы с алкоголиком? Есть клиент по этой части в «Форест-парке»... Перезвони мне, хорошо?

Она положила трубку.

– Подождите немного в приемной. Да, кстати, что он за тип? Позволяет себе лишнее?

– Хватал меня за руку, не давая сделать укол, – сказала она.

– Еще один инвалидный герой, – проворчала миссис Хиксон. – По таким клиника плачет... Через пару минут я оформлю вам направление к пациентке, с которой хлопот почти не будет, так что сможете отдохнуть. Это пожилая женщина...

Снова раздался телефонный звонок.

– Слушаю... А, это ты, Хэтти... Понятно, а как насчет этой здоровячки Свенсен? Она, если что, любого пьянчугу скрутит... А Джозефина Маркхэм? Она живет в твоём доме, верно? Позови ее к телефону... – Недолгая пауза. – Джо, ты не возьмешь одного известного рисовальщика – или художника, уж не знаю, как там они себя называют... Сейчас он в «Форест-парке»... Нет, я не в курсе, надо будет спросить

доктора Картера, он объявится часам к десяти...

Далее последовала затяжная пауза, изредка прерываемая репликами миссис Хиксон:

– Так, так... Да, я тебя отлично понимаю... Но этот случай не опасный – просто довольно-таки трудный. Я вообще не люблю направлять девушек в отель, зная тамошнюю публику... Ладно, я найду кого-нибудь еще, пусть даже время не самое подходящее... Извини за беспокойство... Да, передай Хэтти – надеюсь, та шляпка подошла в тон платью...

Положив трубку, миссис Хиксон сделала пометки в своем блокноте. Эта на редкость энергичная деловая женщина когда-то сама была молоденькой медсестрой и гордой идеалисткой, пройдя через все тяжкие: ее нещадно эксплуатировало начальство, оскорбляли почему зря всезнайки-интерны, мучили привередливые пациенты, в чьих глазах она была безропотной жертвой, отданной на заклятие их почтенной старости. Покончив с записями, она резко поднялась из-за стола:

– Каких пациентов вы предпочитаете? Как я уже сказала, есть одна милая старушка...

В карих глазах сиделки промелькнул огонек – вспомнился недавно виденный фильм о Пастере⁴⁴, а также книга о Флоренс Найтингейл⁴⁵, которую они читали на курсах медсестер.

⁴⁴ *Пастер*, Луи (1822–1895) – французский ученый-подвижник, автор многих открытий в области микробиологии и иммунологии.

⁴⁵ *Флоренс Найтингейл* (1820–1910) – британская сестра милосердия, совер-

Как же они в ту пору гордились своей новенькой формой и даже в холодную погоду не надевали поверх нее пальто, перебегая через улицу между корпусами филладельфийского больничного комплекса, – гордились ничуть не меньше, чем гордятся своими меховыми мантио великосветские дебютантки, отправляясь на бал в роскошном отеле.

– Я... Пожалуй, я еще поработаю с этим пациентом, – сказала она, едва перекрывая голосом какофонию телефонных звонков. – Я готова вернуться туда прямо сейчас, раз уж нет никого на замену.

– Ну вот, только что говорили, что больше не хотите иметь дела с алкоголиками, а теперь уже готовы вернуться к одному из них.

– Быть может, я несколько сгустила краски. Думается, я смогу ему помочь.

– Что ж, как хотите. А если он станет выкручивать вам руки?

– Ничего у него не выйдет, – уверенно сказала сиделка. – Взгляните на мои запястья: я два года играла за баскетбольную команду Уэйнборской школы. Я сумею с ним справиться.

Миссис Хиксон с минуту молча глядела на нее.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Но имейте в виду: любые пьяные обещания этих людей утратят силу сразу после того, как они протрезвеют. Я через все это уже проходила и

знаю. Заранее договоритесь с кем-нибудь из прислуги отеля, чтобы вам пришли на помощь, если потребуется. С этими алкоголиками ни в чем нельзя быть уверенным – иные вроде безобидны, другие нет, но на внезапные выходки способен любой из них.

– Я это запомню, – сказала сиделка.

Она вышла на улицу; ночь была на удивление светлой для этого времени года; сыпала снежная крупа, штрихами забеливая черно-синее небо. Обратный автобус оказался тем же самым, что привез ее сюда, только разбитых окон в нем стало больше; водитель злился и грозил ужасными карами озорникам, попадись они ему под руку. Она понимала, что водитель не столько злится на конкретных людей, сколько дает выход накопившемуся раздражению в целом. Точно так же у нее вызывала раздражение мысль об алкоголиках как таковых. Скоро уже она доберется до гостиничного номера и при виде конкретного алкоголика, жалкого и беспомощного, будет испытывать к нему смесь презрения и сочувствия.

Сойдя на нужной остановке, она по длинным ступеням спустилась к отелю; холодный воздух подействовал бодряще. Она будет ухаживать за этим пациентом хотя бы потому, что не нашлось никого другого, и еще потому, что лучшие представители ее профессии всегда берутся за самые трудные случаи, которые не по плечу остальным.

Она постучалась в дверь, заранее приготовив вступительную фразу.

Он открыл сам, одетый как на званый обед – в смокинге и даже с котелком на голове; недоставало только бабочки и запонки.

– А, привет, – произнес он небрежно. – Рад, что вы вернулись. Я уже давно проснулся и вот собираюсь на прием. Что там с ночной сиделкой?

– Я буду дежурить и ночью, – сказала она. – Согласилась поработать круглые сутки.

Он ответил на это приветливо-безразличной улыбкой:

– Проснувшись, я не застал вас в номере, но что-то подсказывало мне, что вы еще появитесь. Пожалуйста, найдите мои запонки. Они либо в черепаховой шкатулке, либо...

Оглядев свой наряд, он поправил лацканы и втянул манжеты поглубже в рукава.

– А сперва я подумал, что вы меня бросили, – заметил он как бы между прочим.

– Я тоже так думала.

– Там на столе новая серия рисунков, – сказал он. – Сделал специально для вас.

– К кому вы идете на прием? – спросила она.

– К секретарю президента. Уже замучился со сборами и хотел вообще отказаться от этой затеи, но тут пришли вы. Не освежите меня порцией хереса?

– Только один бокал, – устало согласилась она.

Чуть погодя он позвал из ванной:

– Сестра, сестра, свет очей моих, где же вторая запонка?

– Уже несусь.

В ванной она отметила бледность его лица и лихорадочный блеск в глазах, одновременно уловив запах мятных лепешек и джина у него изо рта.

– Надеюсь, вы уходите ненадолго? – сказала она. – В десять часов придет доктор Картер.

– Что значит «я ухожу»? Мы идем вместе.

– Что? – воскликнула она. – В этом свитере и юбке? Еще чего не хватало!

– Тогда и я не пойду.

– Вот и прекрасно, отправляйтесь в постель – там вам сейчас самое место. Разве нельзя повидать этих людей завтра днем?

– Конечно же нет.

– А, ну конечно же!

Она потянулась вверх над его плечами, завязывая бабочку. Манжеты рубашки сильно измялись после его возни с запонками, и она предложила:

– Неплохо бы вам переодеть рубашку, раз уж идете на светский прием.

– Ладно, только я сделаю это сам.

– Почему вы отказываетесь от моей помощи? – возмутилась она. – Почему бы мне не помочь вам одеться? Для чего тогда нужна сиделка? Или вы думаете, я никогда не помогала мужчинам одеваться?

Внезапно он присел на крышку унитаза.

– Хорошо, помогайте.

– Эй, только за руки не хвататься! – сказала она строго, а когда он дернулся снова, извинилась.

– Ничего, это не больно, – сказал он. – Сейчас увидите.

Она сняла с него смокинг, жилет, рубашку и собралась стянуть через голову майку, но он помешал ей, затягиваясь сигаретой.

– А теперь смотрите, – сказал он. – Раз, два, три!

Она потянула вверх майку, и в тот же момент он, точно кинжал, вонзил себе в область сердца багрово-пепельный кончик сигареты, раздавив окурочек о медную пластинку размером с долларовую монету на своем левом ребре и ойкнув, когда одна искра слетела на живот.

«Вот и повод проявить выдержку», – сказала она себе. В его шкатулке она видела три военные медали, но и самой ей не раз приходилось рисковать, ухаживая за инфекционными больными, – бывали у нее туберкулезники, а однажды попалось кое-что пострашнее, хотя она тогда этого не знала и до сих пор не простила врача, утаившего от нее диагноз.

– Должно быть, вам нелегко приходится с этой штукой, – сказала она с нарочитой бодростью, обтирая его тело губкой. – Она когда-нибудь затянется?

– Никогда. Это же медяшка.

– И все равно это не оправдывает ваше издевательство над собой.

Его большие карие глаза посмотрели на нее в упор – прон-

зительно, отчужденно, потерянно. И в этом недолгом, почти мимолетном взгляде ей вдруг открылось желание смерти; и стало ясно, что все ее знания и навыки в данном случае бесполезны, – помочь ему она не в состоянии. Он поднялся, опираясь на раковину, и устремил взгляд на что-то перед собой.

– Нет уж, пока я здесь, никакой выпивки вы не получите, – сказала она.

В следующий миг она поняла, что взгляд этот не имеет касательства к выпивке, хотя и нацелен в тот угол, где она ранее разбила бутылку джина. Она смотрела на его красивое лицо, выражавшее растерянность и вызов одновременно, и боялась даже искоса проследить направление его взгляда, ибо знала, что там, в углу, он видит смерть. Вообще-то, смерть была ей не в новинку – доводилось слышать ее приближение, чуют ее характерный запах, – но никогда прежде она не видела смерть *до того*, как та завладеет своей жертвой, а этот человек сейчас видел ее в углу комнаты; и смерть оттуда глядела на него, пока он откашливался, а затем, сплюнув себе на ладонь, вытер ее о штанину. Секунду-другую плевок, пузырясь, блестел на ткани как свидетельство его последнего жеста...

На другой день она попыталась описать свои ощущения миссис Хиксон:

– С этим просто нельзя совладать, как сильно ты ни старайся. Пусть бы он выкручивал мне руки вплоть до разры-

ва связок, оно б и вполовину не было так больно. Тяжелее всего понимать, что ты бессилен хоть как-то помочь, – все напрасно.

Честь Чувырлы⁴⁶

I

В Кеннесоуском колледже Бомар Уинлок снискал известность благодаря своим падениям с лестниц. Речь не о каких-то нелепых случайностях – поскользнулся, подвернул ногу и т. п., – а о красивых, мастерских падениях, путем усердных тренировок и упражнений, доведенных им до акробатического совершенства. Чаще всего это делалось так.

Перехватив на входе в корпус каких-нибудь посетителей, Уинлок любезно предлагал сопроводить их до администрации на втором этаже. Он поднимался с гостями по лестнице, указывал им нужную дверь далее по коридору и, отведав прощальный поклон, разворачивался как бы с намерением спуститься обратно, но вдруг терял равновесие и – уу-ух! шмяк! бац! – кубарем летел вниз, поочередно мелькая пятками, задницей и макушкой, так что жутко было смотреть. На площадке между пролетами искалеченное тело бедного юноши как бы задерживалось в неустойчивом равновесии, но затем реалистично продолжало спуск тем же манером – шмяк! бац! хрясь! – до самого низа лестницы, сопровождаемое испуганными возгласами (а то и визгом) глядящих свер-

⁴⁶ Честь Чувырлы. – Рассказ опубликован в июне 1937 г.

ху гостей.

Когда Уинлок наконец застывал, распростертый на полу вестибюля, к нему подбегали приятели-сообщники, обмениваясь нарочито громкими репликами:

– Он умер?

– Нет, вроде пока дышит.

И, подхватив тело, они быстренько уносили его с глаз потрясенных свидетелей – якобы в медпункт.

Опьяненный блестящим успехом этого трюка, Бомар на первом курсе проделывал его при всякой возможности, но затем наступило некоторое отрезвление, и он стал себя сдерживать, хотя в ряде случаев не мог устоять перед соблазном. Одним из таковых оказался случай с Чувырлой.

Семья Чувырлы приехала в Штаты откуда-то с Востока – в колледже ей подобных без разбора именовали «китаезами», хотя в действительности она была, кажется, малайкой. Эта прилежная девушка с кротким личиком и легкой хромотой не проучилась здесь и недели, когда Бомару в очередной раз приспичило скатиться с лестницы – подобно тому как пьяницу после долгого воздержания с удвоенной силой тянет к выпивке. Выбранная им для этой цели лестница учебного корпуса была особенно крутой, и полет вышел на загляденье, так что даже его сокурсники, много раз наблюдавшие сей трюк, не удержались от неподдельно тревожных восклицаний. Но из всех видевших его в ту минуту лишь Элла Ли Чаморо без промедления кинулась к лежащему навзничь те-

ду с намерением оказать первую помощь.

Этот ее порыв был столь искренним, а жалось и сочувствие в широко раскрывшихся азиатских глазах – столь глубокими, что в душе Бомара, должно быть, шевельнулось некое предвестие зрелости, и он, вместо того чтобы доиграть спектакль до конца, поднялся с пола и побрел прочь с довольно-таки глупым видом. С того самого момента он откровенно невзлюбил эту девушку, и как раз с его подачи к ней пристало обидное прозвище Чувырла. Вообще-то, чувырлами в колледже называли любых толстых, неуклюжих или некрасивых девчонок, но только Элла Ли Чаморо сделалась Чувырлой с большой буквы.

Юношеская жестокость имеет свойство обостряться и оттачиваться в процессе измывательства, и девушка ощутила это в полной мере. Какие только пороки и гнусности ей не приписывали! Вне классов все сторонились ее, как прокаженной, а при какой-нибудь официальной необходимости общение с ней сводилось к минимуму. В такой обстановке она проучилась более двух лет. С лица ее, прежде по-детски чистого и открытого, теперь не исчезало выражение обиды, страха и подозрительности, замаскировать которое была не в силах даже прославленная восточная невозмутимость.

...В один из февральских дней декан Эдвард Форни пребывал в дурном расположении духа, ибо только что подписал приказ об отчислении студентов, проваливших зимнюю сессию. Был обеденный перерыв, секретарша удалилась в сто-

ловую, а декан остался в своем кабинете. Там, ровно в половине первого, его и застал неожиданный визитер, который проследовал через пустую приемную, постучал в дверь и вошел сразу вслед за стуком.

– Вы декан Форни?

– Добрый день. Да, это я.

– Я мистер Ли Чаморо.

– Ах да... – рассеянно молвил декан и поднялся из кресла. – Рад познакомиться.

Перед ним стоял худощавый жилистый азиат, на вид лет двадцати с небольшим, одетый по-европейски: добротный английский костюм спортивного покроя, клетчатый твидовый жилет оливковых тонов, прекрасные лондонские ботинки и дорогое пальто из верблюжьей шерсти. Не снизойдя до приветственной улыбки, гость уселся на предложенный деканом стул.

– Я пришел поговорить об учащейся здесь мизз Элле Ли Чаморо, – сказал он вежливым, но сухим тоном.

– Да, понимаю. Вы, надо полагать, ее брат. Мисс Ли Чаморо – одаренная девушка, я бы сказал, незаурядная. Она отлично успевает по всем предметам.

Мистер Ли Чаморо кивнул, однако в этом кивке чувствовалось нетерпение.

Из его внешности декан отметил угольно-черные глаза с такими перламутровыми бусинками в центре зрачков, а также тончайшую линию усиков «а-ля Кларк Гейбл», отте-

нявшую верхнюю губу.

– Декан Форни, скажите мне, что такое чувырла?

– Чувырла? – растерялся декан.

Он, разумеется, помнил этот термин – в пору его студенческой молодости чувырлами называли скучных, занудливых и вообще неприятных людей, – однако не сказал об этом гостю, тут же сообразив, что данное слово было, по-видимому, как-то связано с Эллой Ли Чаморо.

– Чувырла? – повторил он еще раз. – Полагаю, это из сленга старшекурсников, какая-то шутка.

– А что означает это слово? – Перламутровые бусинки вдруг расширились, чуть не полностью закрыв собой зрачки.

– Ну... я затрудняюсь сказать точно, эти словечки то входят в оборот, то исчезают, попробуй за всеми уследить... А могу я спросить, почему...

– В моей стране, – сказал мистер Ли Чаморо, – смысл таких слов понятен всякому. Это одно из позорных, запретных слов. Произнеся его только что, я осквернил собственные губы, но мне пришлось это сделать, чтобы не возникло недопонимания.

– Уверяю вас, в студенческой среде это слово воспринимается совершенно иначе, – торопливо произнес декан. – Полагаю, оно взято из какого-нибудь комикса или мультфильма... Ну да, конечно же, это из лексикона Попая! Знаете морячка Попая?⁴⁷ Хотя, возможно, мультфильмы о Попае – об

⁴⁷ Знаете морячка Попая? – Моряк Попай (англ. Рореуе – букв. Лупоглаз) яв-

этом моряке – не показывают у вас в... в... – Он мысленно обругал себя за то, что не помнит страну происхождения Элли Ли Чаморо.

– Этим словом называли мизз Эллу Ли Чаморо.

– Что? Нет, я уверен, что это не так. Или разве что в шутку – обычная глупая шутка. Вы же знаете, как любят пошутить студенты...

Мистер Ли Чаморо извлек из кармана записную книжку, открыл ее и зачитал список:

*«Морис де Уэр – один раз,
Вернар Батлер – один раз,
Оутс Малкли – один раз,
Уэвелин Уилсон – четыре раза,
Портер С. Сполдинг – четыре раза,
Глория Матецка – три раза,
Клод Негротто – два раза,
Эвберт М. Дюк – три раза,
Гунявка Ловетт – два раза,
Бомар Уинлок – одиннадцать раз».*

Декан был в замешательстве.

– Поверьте, я и подумать не мог... – пробормотал он. – Однако даже этот список показывает, что прозвища среди наших студентов – самое обычное дело. Взять, например, Гунявку...

– Мизз Ли Чаморо – не гунявка!

ляется героем сотен комиксов (с 1929 г.) и короткометражных мультфильмов (с 1933 г.).

– Нет, конечно же. Я имел в виду...

– И мизз Ли Чаморо – не чувырла!

– Нет-нет, конечно же. Ваша сестра...

– Она мне не сестра. Но она моя родственница. И я пришел узнать, каким образом здесь поступают с людьми, которых прозвали чувырами.

– Как с ними поступают? Да точно так же, как со всеми другими. Поймите, это же всего лишь...

– Значит, это неправда, что их не водят на танцы, а если они приходят туда сами, с ними никто не хочет танцевать, что их не приглашают в студенческие клубы и что считается зазорным даже просто идти рядом с ними по улице?

– Да нет же, говорю вам! Это...

– Значит, это неправда, что у вас тут принято скатываться кувырком с лестницы и потом обзывать чувырами тех, кто поспешит на помощь упавшему?

– Неужели такое возможно?... Впервые слышу... мне об этом не докладывали...

– ...и что человек с таким прозвищем становится парией, хуже раба, все его презирают или просто не видят в упор?

«Что-то здесь стало жарковато», – подумал декан и, подойдя к окну, открыл его навстречу солнечному февральскому дню. Глоток свежего воздуха его приободрил, и он попытался взять ситуацию под контроль.

– В американских учебных заведениях, – сказал он, – иностранцы, естественно, выделяются на общем фоне. Но я не хо-

тел бы думать...

– Я тоже не хотел бы, – прервал его мистер Ли Чаморо. – И я не пришел бы сюда, не будь ее отец болен. Я вижу, вы очень слабо осведомлены о том, что творится в стенах данного заведения. Несомненно, вас надлежит как можно скорее удалить с этой должности и заменить более компетентным работником. А сейчас будьте добры дать мне адрес студента Бомара Уинлока, и я вас более не потревожу.

– Да, конечно... конечно... – забормотал декан, пробегая пальцами по картотеке. – Но я уверяю вас...

После того как визитер покинул кабинет, декан вернулся к открытому окну и проводил взглядом большой черный лимузин, который отъехал от здания, с хрустом давя колесами гравий аллеи.

– Чувырло, – сказал декан самому себе. – Чувырло, чувырло, чувырло...

II

На традиционный бал по окончании зимней сессии Бомар Уинлок и его сосед по комнате пригласили девушку из близлежащего городка и сейчас готовились ее встретить – подбирали ингредиенты для коктейлей, расставляли тут и там букеты цветов и т. п. Фотографии знакомых и незнакомых красоток были предусмотрительно сняты со стен и лежали на столе в ожидании, когда их на время уберут с глаз долой.

В этот день гостей в кампусе было полно, и потому они не очень удивились появлению на пороге хорошо одетого азиата, в первый момент подумав, что тот просто ошибся дверью.

– Я ищу некоего Бомара Уинлока, – сказал азиат.

– Вот он я.

Вошедший пристально взглянул на Бомара, и тот поразился его угольно-черным глазам, в центре которых как будто блестели алмазные искорки.

– Что вам угодно? – спросил Бомар.

– Я хотел бы побеседовать с глазу на глаз.

– Это мой сосед по комнате, мистер Малкли.

Мистер Ли Чаморо взглянул на мистера Малкли, хотя и не так пристально, как перед тем на Бомара.

– Оутс Малкли? – уточнил он.

– Он самый.

– Тогда его присутствие будет как раз желательно.

Оба студента изумленно уставились на пришельца, уже начиная испытывать недобрые предчувствия и спешно перебирая в памяти свои недавние грешки.

– А в чем, собственно, дело? – спросил Бомар.

– Дело в том, что вы причастны к определенным неприятностям, регулярно причиняемым моей родственнице, мизз Элле Ли Чаморо.

– О чем вы говорите? – воскликнул Бомар. – Какие неприятности? Да я с ней не общаюсь даже на уровне «привет-привет».

– Это и есть один из способов причинения неприятностей.

– Что-то я не возьму в толк. Говорю же, я едва знаком с Эллой Ли Чаморо. Чего вы от меня хотите? Чтобы я с ней подружился, а то и завел шуры-муры?

Уже в следующий момент он понял, что взял неверный тон. Алмазики в зрачках мистера Ли Чаморо начали расти, и Бомар сполна ощутил их заволаживающее действие, как декан Форни пятнадцатью минутами ранее.

– Вы обратились не по адресу, – сказал он. – Я никогда не обижал вашу сестру.

– И вы никогда не называли ее чувырлой? Никогда не употребляли в обращении к ней слова «эй ты, Чувырла»?

– Чувырла? Ну да, такое случается... В смысле, это слово здесь употребляют все кому не лень по всякому поводу, но я что-то не припомню, чтобы называл так именно ее.

– Тут вы лжете, мис-тер Бо-мар Уин-лок, – отчеканил Ли Чаморо. – Вы произнесли это слово при обращении к моей родственнице как минимум одиннадцать раз, по ее собственным подсчетам.

Бомар и Оутс переглянулись, как бы подпитывая друг друга решимостью.

Пора было дать отпор чужаку.

– Никто не смеет называть меня лжецом! – сказал Бомар.

– Неужели? Тогда, возможно, правильнее будет назвать вас шелудивым псом, который тешится оскорблениями беззащитных женщин-чужеземок? Фу! Эта комната насквозь

провоняла трусливой псиной! – И он повысил голос еще на полтона. – Фингарсон!

Бомар и Оутс успели сделать лишь по шагу в направлении мистера Ли Чаморо, когда дверь отворилась и в проеме показался, деловито снимая перчатки, его шофер – с виду настоящий громила. Бомар застыл на месте.

– Это как понимать? Эй!..

– Займись ими, Фингарсон.

Бомар сделал шагок назад, потом еще один – и полетел через всю комнату после того, как огромный кулак норвежца врезался ему в челюсть. Полет завершился столкновением с пианино, отозвавшимся гулким диссонансным аккордом.

Оутс, видя такое дело, попятился, пытаясь отгородиться столом от надвигающегося гиганта, и потянулся к цветочной вазе, но противник его опередил. Первый удар отправил бедолагу на пол с расквашенными губами, после чего он привстал было на колени, но тут же рухнул снова, успев лишь молвить: «Какого черта...» – и сплюнуть кровь. Фингарсон повернулся к Бомару, однако тот валялся все там же, подавая очень слабые признаки жизни.

А Ли Чаморо обратился к ним обоим с таким видом, будто они все еще были в здравом теле и ясном сознании:

– Чтобы честь моей родственницы была восстановлена, вас необходимо подвергнуть унижению, и поначалу я собирался выжечь на вас клейма щипцами для завивки волос мизз Ли Чаморо. Но я вижу тут нечто более подходящее слу-

чаю. Фингарсон, возьми со стола фотографии и вынь их из рамок. Я с большим удовольствием оскверню изображения ваших родственников.

Бомар, по-прежнему пребывавший в состоянии грогги, тупо смотрел перед собой; а Оутс зашевелился и сказал с угрозой, в данной ситуации прозвучавшей неубедительно:

– Эй, положите снимки на место! Это вовсе не наши родственницы.

– Стало быть, ваши любимые девушки, – заключил Ли Чаморо. – Фингарсон, я хочу чтобы ты плюнул в лицо вот этой, с красивой заколкой в волосах. А затем поскреби снимок ногтем, чтобы стереть лицо – только лицо, – да, вот так, отлично...

Изрыгая проклятья и пошатываясь, Оутс встал на ноги, но Фингарсон был начеку, сработав так быстро и эффективно, что в дальнейшем студент вел себя смирно, как сквозь сон наблюдая за перемещениями каких-то расплывчатых фигур и слыша неясные, словно удаленные голоса. Бомар, пришедший в себя как раз вовремя, чтобы лицезреть эту повторную расправу, благоразумно остался лежать на полу.

– Однако здесь только юные вертихвостки, – недовольно заметил Ли Чаморо, перебирая снимки. – Посмотри-ка в спальне, Фингарсон. – (Шофер ушел и вскоре вернулся с новыми фотопортретами.) – Ага, вот это уже интереснее: женщина лет шестидесяти. Такое милое, доброе лицо – ему не следует смотреть на эту шваль.

– Это моя мама, – глухо произнес Бомар. – Она умерла. Прошу вас...

Ли Чаморо колебался лишь долю секунды, а затем плюнул на фото и пальцем растер изображенное лицо, превратив его в грязно-белую кляксу.

– Так-то лучше, – заключил он. – А это, надо полагать, отец. Да, я вижу сходство, тем приятнее будет его осквернить. Признаться, я думал, что твоим отцом был какой-то безымянный бродяга. А это... да это же Джин Харлоу⁴⁸ – как она попала в такую компанию? Ее мы пощадим, поскольку она явно не из твоих знакомых, ты просто купил ее фото. В жизни она не из тебя и не взглянула бы.

– Повесить их обратно на стену, сэр? – спросил Финграсон, когда экзекуция над снимками завершилась.

– Разумеется, – сказал Ли Чаморо. – Позор должен быть публичным. Пусть все их знакомые говорят: «Эти двое очень любят обзывать девушек чуврылами. А вы видели, какие чуврылы украшают стены в их комнате?»

Он улыбнулся собственной шутке – улыбнулся впервые с момента своего появления в кампусе. Сверкающие точки в его зрачках вновь увеличились, когда он обратился к Бомару.

– К сожалению, законы не позволяют мне перерезать твою

⁴⁸ *Джин Харлоу* (Харлин Харлоу Карпентер, 1911–1937) – голливудская звезда и секс-символ 1930-х гг., первой из актрис получившая прозвище Платиновая блондинка.

паршивую глотку. Впредь, завидев издали мою родственницу, мизз Эллу Ли Чаморо, перебегай на другую сторону улицы, чтобы ее не коснулась исходящая от тебя вонь.

Он в последний раз оглядел комнату.

– Выбрось цветы в окно, Фингарсон. Этой красоте не место среди тех, кто издевается над женщинами.

Прошло минуты три после того, как черный лимузин укатил прочь по аллее, посыпанной гравием, и лишь теперь в комнате наметилось какое-то движение. Бомар первым поднялся на ноги и, нетвердо ступая, обошел разгромленное жилище.

– Это черт знает что! – сказал он. – Черт знает что!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.